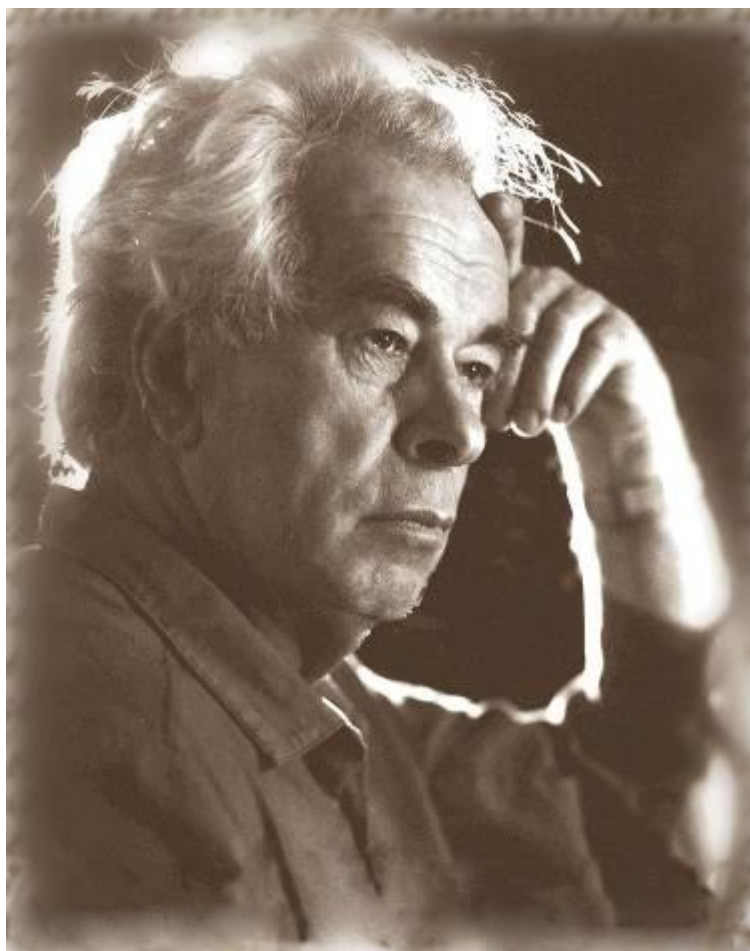




*Н.П.Вырыпаев*

### **Радуга времён**

Не без сомнений начну, дело трудное, неблагодарное. О чём будет рассказано и почему это дело оказывается трудным и неблагодарным? Я буду рассказывать о временах, казалось бы, известных. Так в чём же дело? Бери подшивку старых газет и дуй от листа к листу по-печатному. Но этого как раз и нельзя делать. Могут упрекнуть меня за то, что придётся иногда говорить о политике. Но куда же от неё денешься – выгонишь ее в дверь, она в окно вломится. Так, что самая худшая политика - аполитичность. Иллюзия твоей «аполитичности» и любой прохвост уведет тебя, как бычка на веревочке, в дело, в котором ты и в дурных снах - кошмарах не хотел бы себя видеть. Кто-то сказал: «Не бойся врага своего – самое большее, что он может тебе сделать - это убить тебя. Не бойся друга своего – самое большее, что он может сделать - это предать тебя. Бойся

равнодушных – это с их молчаливого согласия существуют ложь, убийство и предательство».

В мире существует много видов разных диктатур. Есть личная диктатура, – диктатура одного правителя, – ведет свое начало еще с античных времен. Примеров ее и в наше время хватает.

Диктатура феодала над своими вассалами, или самодержца над своими подданными. Эти правители были самодостаточными, и для своей легитимности они ни в каких подпорках не нуждались. Им легитимность обеспечивало право.

Фашистская диктатура «обеспечивает легитимность» грубой силой, провокациями и не стесняется этого. Демагогия, страх и истерика толпы – вот на чем держится она.

Есть диктатура денежных мешков – она нуждается, для прикрытия самой себя, хотя бы видимостью демократии – демократическим соревнованием претендентов на власть. На самом деле это битва состояний, одетых в демократические наряды, взятые на прокат у народа.

И есть еще понятие диктатуры пролетариата. Она, (диктатура пролетариата) возможно, прежде задумывалась в России, как широкое участие во власти граждански активного народа. Достаточно сказать, что до эсеровских бунтов, партия эсеров входила в состав Советов. Только после них (бунтов) Советы стали однопартийными. Т.е. диктатура пролетариата, на первых порах, тоже нуждалась, по своей форме, в демократических подпорках.

Реальность была другой. При полном безразличии к политике, по малограмотности, и апатии самого пролетариата в силу этого, общество неизбежно скатилось в тоталитаризм, а в дальнейшем в массовый психоз культа личности. И пришла, таким образом, личная диктатура, со всеми атрибутами, ей присущими: нетерпимостью к иному мнению, жесткими рамками дозволенного.

Долгое время отсутствия свободы печатного слова сделало свое черное дело. Пришло время борзописцев, не терпящих около себя очень опасных, по их понятиям, порядочных журналистов. Такой порядок вещей был очень удобен для них (борзописцев). Они издевательски его называли «диктатурой пролетариата» и использовали это понятие, как дубину в борьбе с инакомыслящими. Их ошельмовали и отлучили от дела. Многие из них «на свой роток накинули платок», введя собственную внутреннюю цензуру.

Все виды перечисленных диктатур всегда нуждались в цензуре, и она при всех них процветала. И мы с давних пор, привыкнув к её неизбежности, умели читать, и мысли и информацию, между строк официальных сообщений.

Ну, а при «демократии» - что? На смену цензуре запретительной приходит другая, еще более коварная, в облике тусклого, заляпанного грязью окна, через которое ты видишь мир. При этом слабые росточки высокой нравственности и правды заваливаются кучей различной грязи. До настоящей правды доберется лишь только смелый и небрезгливый.

Это тоже цензура, как я ее называю, «цензура вседозволенности». Она основана на полном отторжении и забвении того, что истинная культура и демократия основаны на постулатах ЗАПРЕТОВ, ДОБРОВОЛЬНО НА СЕБЯ ПРИНИМАЕМЫХ.

Еще один вид подобной «цензуры» использует телевидение, создавая бесконечную череду совершенно бездумных, низкопробных сериалов, полных сцен насилия и убийств или, под видом искусства, создавая дутые фигуры шоу-бизнеса и юмористов - с юмором ниже пояса. И это называют достижениями демократии?

О просветительской ипостаси телевидения напрочь забыто.

Телевидение давным-давно потеряло независимость и целиком зависит от интересов рекламодателей. В информационных выпусках вы скорее увидите, что произошло за границей, но не насущные нужды Родины. Оно привыкло самой себе давать оценку, ссылаясь на, так называемые, рейтинги передач.

Словом, когда мы говорим о его специфической «цензуре», самым мощным средством ОГЛУПЛЕНИЯ народа стало ТЕЛЕВИДЕНИЕ!

Поневоле затоскуешь о худсоветах при телевидении.

Так, что до тех пор, пока процветает, вседозволенность, мы будем жить под этим видом «цензуры».

Поэтому верить всем этим СМИ приходится с трудом или вовсе не верить. К реальной жизни народа, в большинстве случаев, это ровным счетом, не имеет никакого отношения. Но, как раз об этой реальной жизни, ее извивах, подъемах и падениях, я и буду писать.

Я родился на переломе уклада деревенской жизни: кончались остатки НЭПа и начиналась коллективизация сельского хозяйства. Казалось бы, ну, что мог я знать об этом времени по малолетству. Но есть коллективная память народа, и есть память родных. Они и не дают пасть в беспамятство многим, а не только мне.

Небольшие штрихи к этому времени. Жили мы тогда в маленькой деревеньке Шафтель (Чембарский район, Пензенская область). Магазины в ней не было. И, когда мама шла в ближайшее село Нижние Поляны, по ее рассказам, я просил: «Купи рулет и «крем-шоды». Это было последнее эхо – отзвук НЭПа.

Потом в «кооперациях» не так часто, но бывали конфеты – подушечки «дунькина радость», лежали окаменевшие пряники, да бруски «малинового напитка», редкого лакомства деревенских ребятишек, и консервы, которые крестьяне почти не покупали.

«Лишенцы». Теперь даже не знают этого слова. А тогда оно вошло даже в детские игры. И мама рассказывала, как я негодовал, когда меня так называли. «Мы не лишенцы» - орал я.

Что это за слово, почему же оно было таким обидным для многих? Избирательное право по конституции 1924 года было не прямым. Сначала открытым голосованием выбирались Советы, а в высшие органы власти Советы, тайным голосованием, выбирали своих депутатов. Кулаки, нэпманы и другие «паразитические слои населения» лишались права голоса при выборах в Советы. Так родилось это слово – «лишенец». Наша семья не имела никаких батраков, сами обрабатывали свой земельный надел и вели хозяйство своими силами, и поэтому никак не могли быть «лишенцами». Вот против него, этого слова, по словам мамы, я и протестовал в детских играх, когда меня им так называли.

После окончания университета отцом наша семья, в результате долгого поиска хорошей работы для него, оказалась в Саратове.

После страшного голода начала тридцатых годов в Поволжье, мы переехали из Саратова в Пензу, более сытые родные пензенские места, с которыми никогда не порывали и имели от них всегда поддержку.

При устройстве на новых местах в Пензе, дети родителям были бы помехой, и меня определили временно к родственникам, в маленький (едва ли в 10 дворов) поселок Вёхово. Поселок был как бы притиснут к опушке лесочка в живописном месте на берегу речки Большой Чембар. А на другом берегу недалеко, даже избы нам видны, большое село Чембарского района Болкашино.

Это недолгое пребывание в этом маленьком поселке дало столько ранее мной невиданного, что и не перечислить. Поселок сохранил в своем быту столько патриархального, что после это я нигде не видел. В обычном обиходе было, например: ткачество на самодельных ткацких станах, и не простое полотно ткали, а нарядное, вроде шотландки; толчение конопляного семени в ступах, для получения постного молока,

чтобы поститься; толчение проса – получение вначале пшена, чтобы потом перетолочь пшено в муку; печение лакомства – пшенных блинцев; тачание сапог и другой «обувки»; валяние валенок. Да разве все перечислишь, что я впервые увидел там и более нигде не видел.

Это было время повсеместного окончания коллективизации. Все страсти ее почти не затронули Вёхово. Кулаков в нем не было. Никто ни у кого не батрачил. И у детей, верный признак равенства слоев общества, не было деления: на богатеньких и бедненьких. Все были небогаты, все были равны и все вместе играли.

Раньше в ходу была «помочь». Как делали «помочь» издавна «всем миром», так, по образу и подобию ее, продолжали работать натуральным хозяйством в колхозе. Как пахали плужком на лошадях, так и продолжали пахать. Как сеяли зерно по полю вразброс, так и продолжали сеять. Как раньше косили хлеб крюками, так и продолжали его косить. Как молотили его цепами, так, по старинке, продолжали молотить и веять зерно на ветру. Одним словом, как работали, так и продолжали работать, без взрывов искусственного энтузиазма. Ничего не поменялось, на первых порах, в поселке - в этом махоньком «колхозике». Слава богу, что по малости поселок не был на заметке у начальства. «Административный зуд» начальников его пока еще не коснулся. Вот и работали спокойно, почти патриархально. Пока не грянуло страшное слово - «недород». Но это будет потом.

Здесь необходимо отступление, объясняющее обстоятельства, в которых жила и ныне живет Россия. «Недороды» не новинка в нашей полосе. Они были задолго до нашего времени. По имеющимся историческим документам «недороды» и голод случались много раз на протяжении многих веков. В 1892 году случился «недород» и голод. И даже в начале двадцатого века голодных было несколько годов. В 1911 – 12 годах голод охватил более 50 губерний.

После Октябрьской революции был сильный голод в Поволжье. Шел 1921 год, еще не утихла гражданская война. И вовсю гуляла разруха хозяйства, ею вызванная.

В это время не было даже соли. За ней снаряжали обозы на озеро Эльтон. Путь неблизкий и небезопасный. Случались разбойные нападения - соляные обозы грабили – ведь соль была драгоценностью. От тех времен у нас, в шафтельском хлеве, оставался памятник, – глыба каменной соли – лизунца, для скотины.

И, как на грех, в это время случился «недород». Его обострили разруха хозяйства и залет в наши места стайной саранчи. После пролета «черной тучи» саранчи никакой

зелени ни в поле, ни на лугах, ни на деревьях не оставалось. «Да, что там зелень, – говаривали старики, – чуть не доглядишь, и без вожжей и гужей на хомутах останешься – всё сожрут».

Все эти беды оборачивались голодной смертью для многих, многих крестьян. Этот голод озаботил мировую общественность, даже фарисейски настроенную Европу. И под давлением общественности им занялась Лига Наций.

Великий полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен взялся всерьез за помощь смертельно голодающему Поволжью. И сделал это делом жизни на склоне своих лет.

Наша республика приняла его помощь. А благодарное человечество присудило ему Нобелевскую Премию Мира, за его подвиг на этом поприще.

А у нас даже малограмотные крестьяне, много лет спустя, поминали его добрым словом за это его благородное и милосердное дело.

Я это привожу, чтобы показать, что «недороды» и в наше время (2010 год), не редкое бедствие. Ранее для большинства крестьян оно было даже привычным. И они, как могли, спасались от голодухи.

С 1933 года наша семья проживала в Пензе. А летом меня отправляли попеременно жить в деревеньке Шафтель, к родственникам, или вместе с родителями в село Щепотьево.

Контраст быта и нравов этих поселений был оглушительным.

Деревня Шафтель была не сильно затронута новыми веяниями. Это было заметно в отношении новых порядков и праздников молодежи и стариков.

В укладе ее жизни оставалось много патриархального. Это наблюдалось и в добром отношении к людям и, в особенности, целомудренным отношениям к молодежи. В том числе бережному отношению всех к влюбленным молодым людям. Это было для меня тогда удивительным, как все любовались ими и их оберегали. Видно это свойство маленьких поселений (секретов не утаишь) и, по всей вероятности, это было следствием положительно воспринятой нравственности, проповедуемой православной религией.

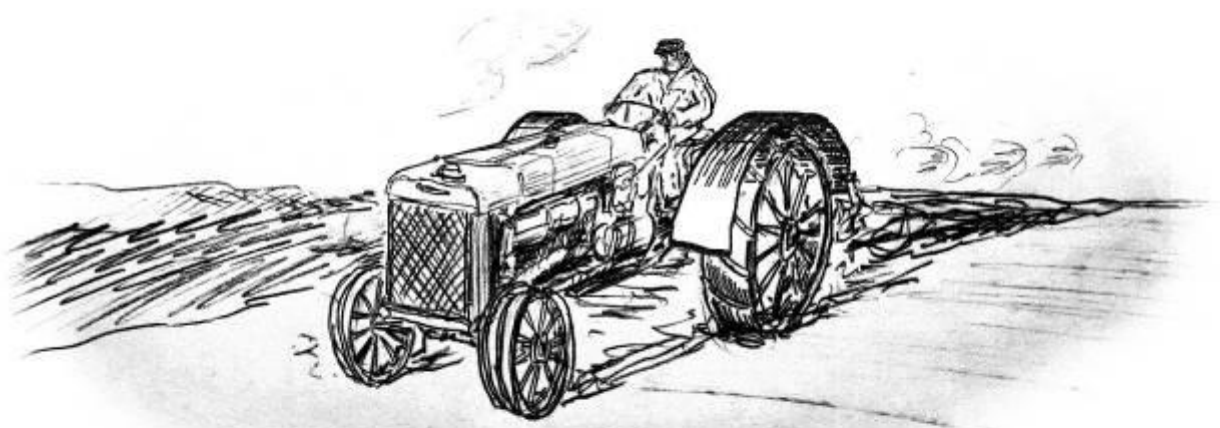
На такой порядок наложились энтузиазм молодых и их нетерпеливое ожидание, наконец-то, долгожданных плодов революции.

Новое дело - дело молодых. Выбрали молодого председателя колхоза. Им стала моя родственница Екатерина Семеновна Вершинина – 24 лет. Она сумела найти подходы и к молодым и к старикам. Заразила их верой в новое дело.

И в этой деревеньке наступил «медовый месяц» - колхоза. С каким удивительным азартом и энтузиазмом взялись они (колхозники) за коллективное хозяйство. Не было у крестьянина-единоличника возможности приобрести трактор, сеялку, тем более молотилку, хотя бы полусложку, простую, не сортировавшую зерно (в отличие от сложных молотилок, «с полным гарнитуром», так говаривали деревенские).

А теперь за едущими тракторами, или им навстречу, бегала почти вся деревня, и не только ребятишки, но и взрослые. Техника в руках артели - мощное средство облегчения и повышения производительности труда. Она требует больших полей, поэтому - долой межи единоличных земельных наделов. Так думали они. Вот и бегали за трактором «Фордзон-путиловец» - «федей», как за чудом, обещающим «золотые горы».

Как же? Вся ведь эта техника такое облегчение в работе крестьянина. Они, конечно же, за нее, они, конечно, за колхозы, они за артельную работу.



*Трактор «Фордзон-Путиловец»*

И лишь старики, меряя глубину вспашки, выполненной по рекомендациям агрономов, и видя расширение пахоты, распашку залежей и межей, чуть ли не до уреза речных вод, с сомнением качали головами.

Разве тогда знали эти слова – «экологическая катастрофа». Разве имели тогда понятие о водной эрозии рыхлого верхнего пахотного слоя. Тракторный плуг, не пожалев их, разордал залуженные речные поймы.

И водная эрозия смыла плодородный слой чернозема в ручьи и речушки. Разве предполагали тогда, что эти неразумные действия людей, дадут заиливание родников, питающих эти речушки, и принесут смерть малым рекам. А с иссушением их, и смерть деревням и селам, что были на берегах этих рек и речушек. Кроме социальных гвоздей, в гроб сел был вбит еще и гвоздь экологический.

А без малых - и большим рекам долго не протянуть, не выжить. Кончилось их процветание.

Мудрость говорит: не бывает абсолютного добра и абсолютного зла – дьявол всегда прячется в деталях.

Старики-то не зря качали головами. Да, кто ж их тогда слушал?

Наша семья уже жила в это время в Пензе. Поэтому я не мог видеть весенне-полевые работы. На лето мы, как всегда, приезжали в деревню, где мне вволю можно было купаться, и набегаться босиком в одних трусиках. Но не только эта детская свобода поражала меня, но и труд и (не побоюсь этого слова) энтузиазм работников в Шафтели - этом маленьком колхозе.

Когда молодой председатель колхоза могла спать, никто не видел. В самых нужных, самых трудных местах, она всегда оказывалась, чуть ли не первой, на своей коляске - излюбленных дрожках. Люди видели это ее рвение, видели, что она не жалеет себя. Это внушало людям веру. И люди с этих работ вечером, уставшие, но веселые возвращались в деревню с песнями.

Песни, распеваемые народом, окрашивают времена в разные краски. Сейчас народ наш стал не песенным.

А раньше пение было традицией. Певала, например, моя бабушка обыденно при любом деле, которое делала. Так же делали и многие другие. И по пению можно было определить настроение поющего. Если соберется несколько человек, то обязательно кто-то тихонько затянет песню. Другие ее подхватят. И вот уже поют всем хором. Я был свидетелем хорового пения артели, которая у нас крыла кровлю. При любом роздыхе она запевала песни, да не просто, а на много голосов. Заслушаешься. Ничего удивительного – эта артель была осколком певцов церковного хора. Артель не пьющих и не курящих.



Надо сказать о положительном влиянии церковных хоров на народную песенную культуру. Пенза прославилась деятельностью таких хоровиков, как А.А. Архангельский и А.В. Касторский. Слава их хоров далеко перешагнула пензенские пределы и стала всероссийской и европейской. Влияние этих подвижников хорового пения на народное песнопение огромно. Хоры А.А. Архангельского и А.В. Касторского стали для народа хорошим примером. И песнопение этих хоров поминали, при каждом удобном случае, как нечто недостижимое. Песенная культура прививалась исподволь в семьях. Примером этого может служить и наша семья. После дневных хлопот и вечернего чаепития, семья садилась и начинала петь - и взрослые и около них мы - дети. Ничто так не проявляет родство каждого к другому, как песня в хоровом исполнении. Традиция этого существовала долго. В 1968 году я был в Чехословакии. И там мне сказали: «Вас, русских, сразу можно отличить. Сели в автобус, тронулись и тут же запели».

А теперь поют только на свадьбах, да орут их на пьянках - по какому-либо поводу или безо всякого повода. А беспробудные алкоголики обходятся и без этого.

А в эти времена песни певались разные и по разным поводам или без них (поводов). Живы были еще в народе старинные и пелись вновь рожденные, а теперь совсем забытые.

Из старинных: «Хороша я хороша – плохо я одета...», «У зари то, у зореньки много ясных звёзд...», «Ох, ты ноченька. Ночка тёмная...», «Березка», «То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит...» «Ревела буря, Дождь шумел...», «Есть на Волге утес...», «Из-за острова на стрежень ...», «Варяг», «Шумел, гремел пожар московский...», «Когда б имел златые горы...», «Начинаются дни золотые воровской безоглядной любви ...», «Хасбулат удалой...». Песни на стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина и другие. И они не забыты – сохранились, хотя бы в хорах, как классика.

Пелись и новомодные песни: «А куда ты паренек, а куда ты? Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты...», «Нас побить, побить хотели ...», «Мы красные кавалеристы...», «Эй, комроты, даешь пулеметы ...». Это из патриотических песен.

Молодёжь распевала: «Мы - кузнецы ...», «Вперед. Заре навстречу...», «Наш паровоз, вперед лети...».

Пели и шуточно-двусмысленные: «Жена мужа в Казань провожала ...» и, с легкой руки молодого Утесова, - «У самовара я и моя Маша...» и «Гоп со смыком ...». Всему этому помогали распространиться грампластинки, патефоны и оставшаяся величайшая роскошь – нарядный и громоздкий граммофон.

Пелись и жалостливые: «Босявка малохольный – болять мои раны. Болять мои раны в глыбаке: одна заживает, другая нарывает, а третья открылась в баке...» «Как в саду, при долине, громко пел соловей, а я мальчик на чужбине позабыт от людей ...».

В такие краски раскрашивалась жизнь деревни.

Объединенные, совместные усилия всех работников в колхозе давали им необыкновенную радость людской общности и радости совместного труда.

Наиболее ярко эта людская общность была видна при молотье. И ее, конечно, создавала людям механизация работ с помощью молотилки.

Но, молотилка без какого либо силового привода мертва. Были разные источники силового привода, иногда просто необыкновенные: старые стационарные нефтяные движки – «нефтянки» и локомобили. Что это такое теперь многие и не знают. В свое время, при рассказе о послевоенном времени, я расскажу и об этом.

Чаще же всего силовым приводом был трактор. Шкив трактора, приводной ремень (в просторечии – погон), шкив молотилки и образовывали привод молотилки.

На молотье молотилку и трактор невозможно обслуживать одному. Молотье требовала совместных усилий многих. Без четкой организации труда здесь не обойтись. И мне тогда было удивительно, как эту сложную работу организовало правление колхоза и его молодая председатель.

А видов работ при молотье было предостаточно: подготовить ток (площадку), на котором будут молотить хлеб. Надо ночью по росе, чтобы зерно из колосьев не высыпалось, навозить снопы хлеба, для дневной работы, сложить их в порядке около молотилки. Это работа ночной, точнее утренней смены. Надо подготовить трактор и молотилку, а технический уход, в то время, за ними был довольно сложным.

Но самым захватывающим делом всех была работа при самой молотилке днем. Работ и работников при молотье много. Главными в этой работе были тракторист и задавальщик, была такая специальность, основной работник при молотилке.

Надо расставить всех по местам – работа бригадира. Иногда эту работу выполнял задавальщик. Это он задавал темп работы всех. Задавальщик стоял наверху, как на капитанском мостике, в защитных очках, перед ним был полук, на который подавали снопы и открытая пасть – зевло, воющего, бешено вращающегося барабана молотилки. Надо сноп растрепать и по возможности ровно расстелить по длине барабана молотилки. Работа и ответственная и не безопасная. Воющий клыкастый барабан - вот он рядом. Не зевай.

Были хорошие задавальщики и так себе, которыми не очень-то были все довольны. Ведь чем лучше, ровней – без рывков он загрузит барабан молотилки, тем лучше вымолотится зерно. Ровный, без глухих уханий, гул молотилки – свидетельство его хорошей работы.

Ну, это самый главный, он и задавальщик, он и механик обслуживающий молотилку. А было работников еще много других: подавальщики снопов на полку; резчики свясел, на полке – помощники задавальщика (свясла - соломенные пояса на снопах - их резали кривыми ножами, сделанными из обломков косы); бабы, закутанные в платки, - видны одни глаза, - на уборке соломы и половы (самое грязное, пыльное дело); ребяташки, отвозившие солому на конных волокушах к омёту; омётчики на самом омёте, управляющие его; погонщики лошадей на канатах, затаскивающих солому на верх омёта; уборщики зерна и мякины от молотилки.

И все это в хорошем темпе. Все это под бодрые крики задавальщика: «Ну, давай! Давай!! Давай!!!».



*Сложная молотилка*

А рядом, на току, трудились веяльщики - на доработке зерна на сортировках-веялках. Привод сортировок был ручным, и их крутили по две бабы на смену.

Если погода была хорошая - организовывали и вторую смену работы молотилки. В лунные ночи пытались молотить и ночью, пока нет росы.

Эта общая работа была не из легких. Вся эта техника: трактор, широкозахватный тракторный плуг, сеялка, и молотилка, не столько облегчали труд, сколь механизирова и интенсифицируя его, превращали работу в её конвейерную разновидность. И все же, при всей тяжести и грязи этой работы, она своим ритмом захватывала работников.

В этом колхозе было две бригады. И родилось соревнование за наименование – быть Первой бригадой колхоза. Вроде пустячок, а приятно называться Первой.

И это стало, я потом об этом расскажу, не только «медовым месяцем колхоза», но и его «лебединой песней».

Могут спросить: откуда я все это знаю. Этому есть объяснение. Мне, не то городскому, не то деревенскому мальчишке, с плохой координацией движений из-за моей болезни хронической малярией, было все это любопытно и интересно.

Игры деревенских ребяташек: в камушки-чурконки, в бабки, или в попок (в городе эта игра называлась «клёк»), в лапту, в чижа, и насмешки играющих ребят над моей неловкостью, оставили меня с деланным равнодушием к этим играм. Свято место пусто не бывает – на место игр пришло любопытство.

Это любопытство потом привело меня 10-летнего мальчишку на мостик комбайна – помощником комбайнера – штурвальным. Была такая специальность при работе на прицепных комбайнах, тогда других не было. Так, что можно сказать, знанием этих подробностей я обязан своей болезнью.

Любопытство, уже привычное, потом привело меня 12-летнего за руль трактора. Именно любопытство подвигло меня на внимательное отношение к быту деревни: её особенных праздников, традиций, привычек жителей.

А особенностей быта деревни было достаточно. Во время первой мировой войны деревня приютила, от её ужасов, беженцев-белорусов.

Одна семья белорусов жила даже у нас, в нашей семье. И мои родственники, по их рассказам, удивлялись скудности жизни белорусов.

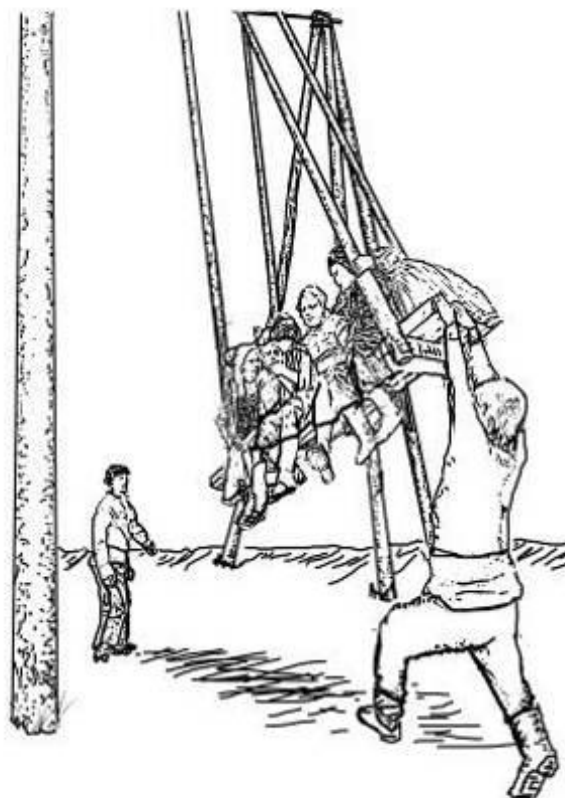
Им, видимо, выделялся властями, какой-то небольшой надел земли. И они были рады каждому зернышку – хранили хлеб в снопах, когда возникала нужда в зерне - обмолачивали над холстом по снопику, буквально из руки-в-руку пересыпая, зерно веяли и перемалывали на ручных мельницах-жерновцах.

Белорусы научили селян народному лечению лихорадки (малярии), и, видимо, принесли с собой празднование дня Ивана Купалы.

И в один из дней июня начиналось веселое озорство. Обливали исподтишка, не глядя ни на возраст, ни на положение. Попадешь под ведро воды - не обижайся. Радости и веселья - полон рот.

Парни и девушки имели кроме этого и свой праздник – «еланку». Собирались для этого праздника в лесу Илень - на известную всем им поляну. Приходили парни и девушки и из близлежащих сёл: Нижних Полян, Языкова, Крюкова. Там было все: игры и песни молодых, бывали и драки. Меня по малолетству туда не пускали.

Ещё одна забава молодёжи - «рели», разновидность больших качелей, но особого устройства. Опорой служили козлы из солидных, врытых в землю бревен, наверху их связывал толстый железный прут. К доске – сиденью с поручнями, на котором сидели девушки, а по концам его стояли парни, вместо веревок были крепко пристроены деревянные жерди, и сквозь отверстия в них наверху и был пропущен этот самый железный прут – ось для них. Если на «релях» хорошо раскачаться - можно и вкруговую на них, под визг девчонок, обернуться. Ребята, ради озорства, это часто делали, несмотря на опасность для девушек свалиться с «релей».



*Катание на релях*

Радостью для ребятшек была «ярмонка». Родители детям с ярмарки обязательно привозили что-нибудь лакомое и разные простенькие игрушки. Ещё одним следствием ярмарок была различная разъездная торговля - с возов продавали то, что не продалось на ярмарке.

Бессоновцы, - приезжали вон откуда, - торговали луком. Языковцы торговали «горшешным» товаром: горшками, жаровнями, кашничками, корчагами, глиняными игрушками-свистульками.

Самым необыкновенным делом была скупка-сбор старья, утиля – вторсырья, по-новому. «Шурум-бурум!» - кричал возница, обычно татарин из близлежащих татарских сел. На этот крик сбегались ребятшки и несли разное рваное шобольё, бутылки целые и побитые и пробки к ним, битое стекло и разную металлическую утварь. Что с этим потом делали - не знаю. Но, наверное, сбор вторсырья давал какой-то доход, а ребятам либо простенькую игрушку, либо пятак.

Осенью были в ходу другие разные отхожие промыслы «ходовков», например, «валяльщиков» валенок. Это приурочивалось к осенней стрижке овец. В дело шла только

шерсть осенней стрижки - валенки валяли из неё. Валяльных артелей было мало. Вот, и ходили они (точнее ездили) со всеми своими нехитрыми инструментами: колодками, рубелем, для катания заготовки валенка и другими припасами: серной кислотой, для обезжиривания шерсти, мылом, и керосином. Керосин был нужен, чтобы хорошо, красиво опалить, но не сжечь, готовый валенок.

Другим отхожим промыслом было: дубление овечьих шкур – по заказу: красной или черной дубки. Дорогая черная дубка, для нарядных шубеек. Красная дубка - дубление овчины корой дуба, черная дубка – дубление соком галлов, чернильных орешков, наростов на листьях дуба.

Сапожники ездили либо с готовым товаром, либо снимали мерку и договаривались из чего сделать сапоги или сапожки: будут ли они яловые, юфтевые, опойковые, шевровые или хромовые; на каких гвоздях будет обтяжка: железных, «медных» (латунных) или деревянных (да-да, самодельных деревянных); со скрипом или без. Были такие любители - модники (почти по Куприну: "...В него волос под шантрета и на рыпах сапоги ...). И договаривались о цене и сроке готовности.

Это были все заботы взрослых.

Ну, а малыши что делали? Кроме детских игр нам задавали и посильную работу: поход в лес за дровами – валежником, мотыжение картошки на огороде, поход с разными котелками – ведерками за водой на родник, и, как приятное занятие, сбор грибов в лесу.

Наш огород, располагавшийся за нашей избой, доходил пологим откосом до не то крутого оврага, не то каньона маленькой речушки, давшей имя деревеньке. Прямо под нашим огородом, была «косая дорога». Она заменяла другую – прямую дорогу, по которой с возом ни въедешь, ни спустишься.

Мотыжение картошки. Эта работа и навела меня на мысль, что в каких-то давних временах, наш огород был дном моря. Часто при работе на огороде мы находили «чертовы пальцы».

Я к этому времени прочитал уже много разных палеонтологических книг. Заразили меня этим интересом фантастические книги на археологические темы: «Земля Санникова» и «Плутония» академика В.Обручева. И я объяснил взрослым (под скептические ухмылки моих двоюродных сестер), что это останки обитателей древнего моря – моллюсков белемнитов. Наш огород, значит, был когда-то дном моря. Потом, заинтересовавшись этими палеонтологическими находками, я нагребал в откосах оврага,

в норах на полке «косой дороги», целые спичечные коробки зубов ископаемых рыб. Они были в определенных пластах крупнозернистого песка.

Как я потом предположил, пласт был следом движущегося древнего ледника, т.е. следом его переработки обломков горных пород.

А в русле речушки половодье промывало дно оврага до самых меловых пластов и вымывало большие тонкостенные окаменевшие кости, каких-то древних обитателей этих мест.

Летом этот овраг был постоянным местом наших игр. Фантазию мою, при виде этих окаменелостей, было трудно удержать, несмотря на насмешливые крики ребяташек.

Но кроме работы и развлечений, были и маленькие радости – печение хлеба взрослыми. Мы, ребятня, всегда крутились рядом. До серьезного дела нас не допускали, но и в малом мы были рады помочь.

Тут надо сказать доброе слово о русской печи: она и согревала избу, она и сушила одежду, и спали на ней, и парились, мылись в ней.

И вся наша национальная кухня обязана своим существованием русской печи. Несмотря на внешнюю простоту, русская печь, в нашем довольно суровом климате, была наиболее приемлемой для деревни. Она неприхотлива к топливу. Её топили всем, что могло гореть: соломой, хворостом, валежником, дровами, торфом, а при недостатке всего этого, - кизяками – сформованным навозом с соломой.

Хоть она и занимала порой половину избы, это было необходимо – прогретая она долго отдавала тепло. Устройство печи отрабатывалось десятками и сотнями лет. Лицевая стенка печи – «чело печи». Печь начинается с «шестка» – ровного входа в самую печь. За ним – «горнило». Дым из печи выходил в «хайло» - начало трубы печи. Справа и слева от входа в «горнило», под «хайлом» на «шестке» образовывались боковые выемки – «загнетки». В них хранился мелкий инвентарь: сковородник на короткой деревянной ручке, таганы, каток, для закатывания в печь, с помощью него и ухвата, полного чугуна, и другие вещи.

В самой печи - довольно высокий «свод», под ним ровный, обширный «под» («лещина», «подина») - пол печи. Вход в «горнило» был меньше самого «свода». По сторонам входа, внутри печи, слева и справа образовывались пространства - «засторонки». Вход в печь (горнило), когда она была истоплена, закрывался «заслонкой». За «хайлом» - над сводом ровная «лежанка». «Хайло» переходило в трубу и она, труба

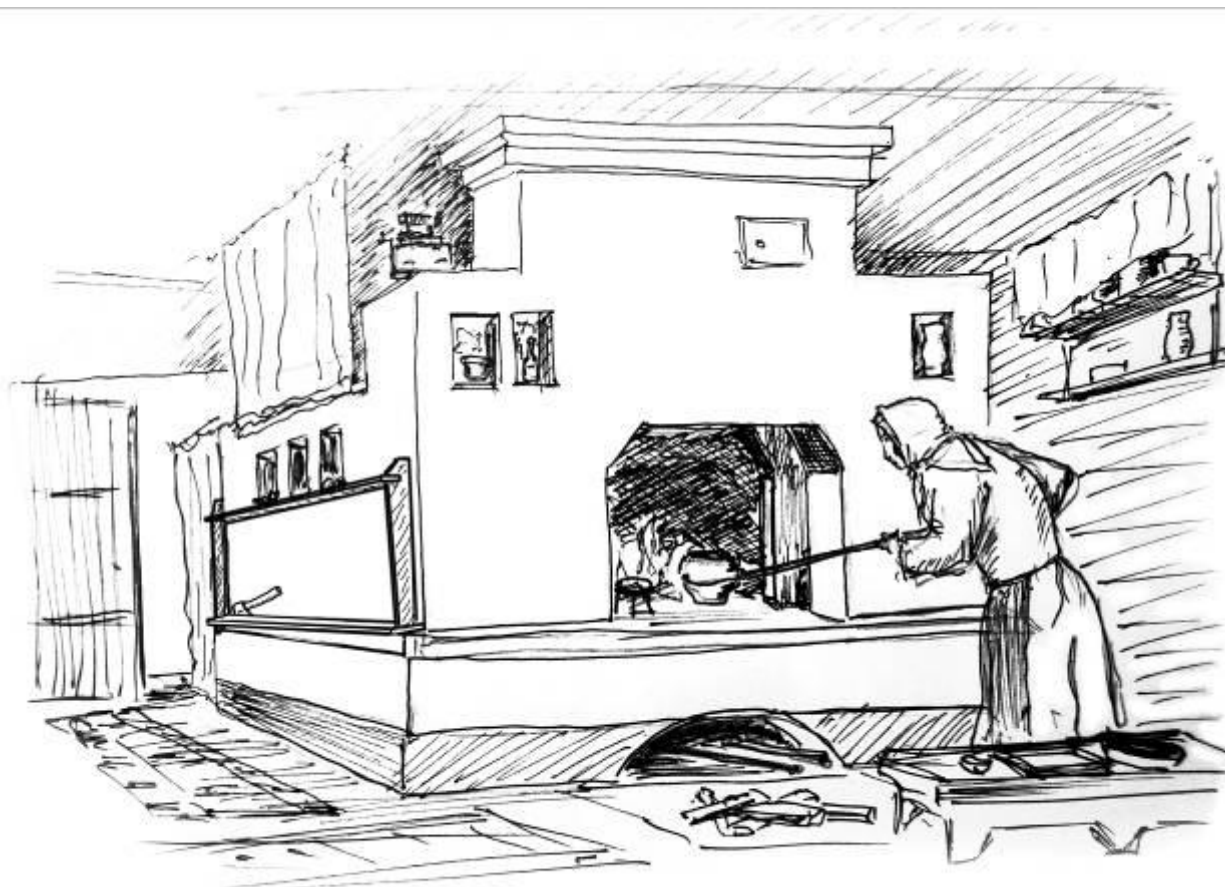


истопленной печи, перекрывалась специальной заслонкой – «вьюшкой». Труба выходила на чердак.

На чердаке бывал сложен массивный «боров» – горизонтальное продолжение трубы. Его назначение: защитить печь от дождя и снега, гасить искры, а так же охладить дым, выходящий наружу. Он имел закрываемые отверстия, для обметания «помелом» дымохода «борова» от сажи, ее загорание грозило пожаром, особенно при соломенной кровле. Иногда эти отверстия использовались для копчения: мяса, птицы и самодельной колбасы на специальных подвесах в дыму борова.

Печь имела несколько обязательных устройств: «печурок» - углублений в ее кладке, для сушки варежек, рукавиц, носков и двух «приступок» из досок во всю длину печи. Нижняя «приступка» от пола делалась на высоте удобной для лазанья. В щели между стенкой печи и «приступкой» затыкались (хранились) топор и скребень – инструмент для скобления некрашенных полов, при их мытье. Верхняя «приступка» делалась на уровне пола «печурок» так, чтобы просушиваемые вещи не могли выпасть из них. Вверху, по краю «лежанки», вмазывалась не толстая жердь – «застрыга». Ее назначение: поручень, когда залазишь на «лежанку» и ограждение, чтобы во сне с нее не свалиться. Под «челом» печи, в самом низу имелся «подлавок» – «подпечка» для хранения: кочерги, ухватов и сковородника - все на длинной деревянной ручке.

При кажущейся примитивности и простоте русской печи, ученые определили ее высокий КПД (коэффициент полезного действия) – свыше 60 %.



*Русская печь*

Недостатком русской печи является неравномерный прогрев избы по ее высоте. По своему опыту знаю, полежишь на «лежанке» - согреешься. А с печи спрыгнешь, и по полу избы ходи только в валенках – холодно.

Для устранения этого недостатка, иногда делался «подтопок» - дополнительная, низко расположенная в задней или передней части печи - дровяная печь с колосниками и поддувалом. Она делалась на стороне печи свободной от «приступок», для лазанья на «лежанку» и «печурок». Для прогрева этой стенки печи, внутри неё делалось несколько оборотов дымохода «подтопка» и дым выходил в общую трубу. Иногда, при расположении «подтопка» в передней части печи, над «подтопком» располагали чугунную плиту с конфорками - летом можно было готовить пищу, не топя самую печь. Плита с конфорками была, при этом, рядом с шестком. Если печь не имела «подтопка», то летом легкую пищу готовили на «шестке», установив на нем «таган». В «таган» ставили чугунок с «варевом» и накрывали его сковородкой. И под «таганом» разводили огонь.

Сельская еда (кроме блинов, блинцев и пышек-пылушек) готовилась в, так называемой, «вольной печи». Это народное выражение означает, что печь истоплена, жар и угли заметены в «засторонки», а «под» - печи чистый и даже выметен «помелом».

В печи помимо лакомых блинов и блинцев, пеклись и хлебы. Ржаной каравай из муки грубого помола, просеянной грубым решето. Через такое решето просеивалась не только мука, но и мелкие отруби, т.е. мука получалась с мелкими отрубями. Тесто в квашне заквашивалось «закваской». По готовности тесто разделялось на столе на караваи, они «подходили», и с помощью деревянной лопаты, сажались в «вольную печь». Чтобы тесто каравай не приставало к лопате, на неё клался капустный лист или она посыпалась мукой. В этом случае, нижняя корка у испеченного каравай была покрыта тонким слоем золы с мукой.

Для каравай «ситного», мука сеялась через частое волосяное сито. И караваи «ситного» сажались в «вольную печь» на противнях посыпанных мукой, на которых они «подходили», вызревали, как и караваи черного, перед посадкой в печь.

«Пышки-пылушки» из остатков ситного теста пеклись в пылу горячей печи.

А в «вольной печи» пеклись на противнях пресные ржаные лепешки, разные фигурные «преснушки». Особо удавались пироги и «расстегаи», с разной начинкой, из пшеничной муки тонкого, «вальцевого» помола. Такие вкусные пироги испечешь только в русской печи.

Сколько всего этого ушло из традиционной нашей кухни и чего, к великому сожалению, лишены теперь наши дети. Они не знают вкуса «защабренки» - глубокой, запеченной потом, трещины-закатыша на свежем ржаным каравае. Они не знают вкуса свежего «ситного», они не знают вкуса «пышек-пылушек», - прямо из пылающей печи, - запиваемых сливками вприхлебку. Жаль мне их с их унифицированной кухней, вся цель которой только по быстрее набить брюхо.

Кулага, калинники, солодушки, холодный рубец с хреном, кишки, начинённые гречкой с обрезками свиного сала и мяса, и запеченные в печке. Многие теперь и не знают, что это такое.

Приходится дать пояснения, к этой нами утраченной, традиционной кухне.

Кулага делалась из пророщенного зерна. Его сушили, а потом мололи. Из этой муки затворялся своеобразный кисель, он самоквасом заквашивался в глиняной корчаге. А затем, по мере готовности, корчага ставилась в вольную печь. И все это превращалось, когда было готово, в кисло - сладкий род повидла, светло - или темно коричневого цвета.

Калинники делались тоже из пророщенного зерна. Это пирожки с начинкой из калины, схваченной первым морозом.

Рубец (или требуха по-другому) требовал долгой очистки. Дело это не очень приятное, но когда это сделано – любителей этой необычной еды найдется достаточно.

Пшенная каша не всеми любима. Но, я хотел бы видеть отказавшегося от рассыпчатой пшенной молочной каши с пенкой, сваренной и томленной в специальном кашнике, в «вольной» печке, и поданной со сливками или с томленным кислым молоком, тоже с пенкой.

Или подобно этому, картошке, запеченной с молоком, и томлённой в специальной жаровне в «вольной» печке, и поданной со сливками.

«Суточные» щи из квашеной капусты, сваренные в «вольной печке», с перерывом – недоваренные они выставлялись на мороз. И на следующий день доваривались, это придавало им особенный вкус.

Блины со сметаной или кислым топленным молоком - обязательно с лакомством – пенкой.

Пшенные блинцы, из-за тонкости почти прозрачные, горячие, и поданные со сливками. Ну, ещё дразнить ваш аппетит? Или хватит, и так уже ясно какую кухню мы утратили.

Нашелся бы в глуши чудака – предприниматель, возродил бы эту кухню и от «экологических» туристов отбоя не будет. Лишь бы все эти и другие разносолы были на чистых, тесовых столах этого закутка старины.

Но вернемся в Шафтель. Большинства жителей этой деревеньки я не запомнил. Но невозможно забыть необыкновенную нашу соседку «куму - тетю Пашу» Кошелеву. Человека с первого взгляда грубого, но по - своему мудрого и справедливого, со своим, ей только присущим юмором. Деревня много собирала в лесу грибов. При варке супа не больно их мельчили, и в супе она их называла «глазолупками». Не вылупив глаза эти большие куски грибов проглотить было невозможно.

Другим примером ее речи может служить обращение к татарину (старьевщику «шурум-бурум»): «Это что же ты, нехристь, по человечески-то не говоришь?»

И можно было убедиться, что так она говорила не со зла, по какому-то, как ныне говорят, национализму. Почти в это же время посватался к одной девушке татарин. А девушка и любит его и боится идти замуж за него. Как рассудила эта мудрая женщина:

«Иди, дурёха! Эка важность кто он – был бы человек хороший. С иным нашим – всю жизнь промаешься».

Я застал тетю Пашу вдовой. Дети ее были уже взрослыми. Их у нее было трое. Старшая Оля и была трактористкой при ранее описанной молотье, потом она стала известным, выдающимся комбайнером. Это она привела меня за ручку, видя мое любопытство, на мостик комбайна СЗК (расшифровывается название - Саратовский Завод Комбайнов). Ольга очень своеобразно работала на сложных машинах. Она при работе, например на комбайне, не суежилась, а, управляя им, все время слушала работу машины. И вдруг останавливала её и не искала неисправность, а шла прямо к узлу, который забарахлил. Это так удивляло меня. Как же надо хорошо знать машину, чтобы только по одному звуку знать, где неполадка в ней.

Средняя дочь «кумы-тети Паши» - Полина, окончила педучилище и стала учительницей в школе этой же деревни. Пошла прямо по стопам моей матери. Младшая, которую все называли Стеша - героиня приключения в родной деревне и драмы в городе Пензе в военное время, (о которой будет рассказано позже).

А было это приключение Стеши на нашей вечерней деревенской улице. Волки тогда были обычны в нашей округе. Они часто забегали даже в деревню. В один из вечеров, когда стадо уже пригнали, Стеша вышла загонять овец. Из-за нашей избы вывернулся волк и напал на её овцу. Всё оружие Стеши, был кустик полыни, сорванный для веника, которым она гнала овец. Но дальнейшие её действия удивили всех. Одной рукой она стала держать овцу, а другой хлестать по морде, по глазам волка, крича: «Пошёл! Пошел!». И волк не выдержал такого напора, отпустил овцу и убежал. Долго обсуждали этот случай: «Расскажи, Стеша, как ты волка веником выметала!»

Я уже упоминал о «лебединой песне» этого колхоза. Вот и «заказчики» этой песни. Во все времена было и осталось неистребимое племя: инквизиторов, конъюнктурщиков и карьеристов. Это их руками любая власть делает недоброе, самое грязное, дурно пахнущее дело.

Не осталась без внимания власти и эта деревенька. Радость и высокая производительность совместного труда – это хорошо. Но выполнение планов по хлебозаготовкам - главное, что требуют от района.

И пусть другие колхозы дали мало хлеба - возьмем, у которых его много. Так рассуждали районные начальники. И кончился «медовый месяц» у таких колхозов, как шафтельский. Но зато появились до этого неведомые начальники – уполномоченные по

хлебозаготовкам, умевшие выколачивать нужный начальству процент. Вот они и заказывали «лебединые песни» не только этого колхоза.

И потянулись в Каменку (а путь не близкий - за день не обернешься) длинные обозы под лозунгами искусственного энтузиазма: «Первый хлеб государству!». За сданный хлеб государство платило гроши, да ещё на элеваторах, под разными предложениями, старались занизить сортность сдаваемого хлеба.

И приуныли колхозники. С ненавистью и насмешкой смотрели они на «упал намоченных». А на лозунгах, говорили шепотом надежным людям, надо писать: «Последний наш хлеб сдаем государству».

В 1936 году случился «недород» в нашей округе, но государство не пришло на помощь голодающему населению.

Начальство, видно, побоялось, из-за возможной потери своих насиженных мест, доложить о бедственном положении населения.

А, государство, возможно, все же знало об этом, но бросило всех на произвол судьбы. И зарезали курицу, несущую «золотые яйца».

И нам в Пензе, для спасения от голода семьи председателя колхоза, пришлось от «спецпайка инженерно-технических работников» отделять часть - сушить сухари, и высылать в Шафтель.

Председатель колхоза не захотела работать в таких условиях, ушла с этой работы. А в райкоме партии, возможно, вздохнули свободно – одним беспартийным председателем стало меньше.

Но меньше стало и работников, люди стали, под любым предлогом, уезжать из деревни. Благо в городах и на новостройках было много работы, и «завербоваться» на любую работу было очень легко. И за штаны не удержишь – убегут.

По странному сходству, местом будущей работы и в Шафтели и в Щепотьево, были бакинские нефтяные промыслы. И когда новоиспеченные нефтяники приезжали в отпуска, было на что посмотреть остающимся деревенским бедолагам.

Напомню в 1936 году в округе случился «недород» и голод, связанный с этим.

Весной 1937 года наша семья приехала в Щепотьево. В октябре 1936 года умер мой дед Андрей Иванович. В полупустом доме поселились наши дальние родственники. Виды на урожай 1937 года были хорошие. Но быт деревни ещё жил «недородом» прошлого года. Когда, по приезду, мы все сели за стол, с большими извинениями хозяева не поставили на стол свой хлеб.

- «Наш хлеб вы не будете есть, смотрите!», - и хозяин разломил лепешку.

- «Она больше чем на половину состоит из лебеды», - пояснил он.

Лепешка на изломе была зеленой.

Вот чем спасалось во все времена население от голода. Сушили семена лебеды, размалывали их на ручных мельницах – получали зеленую муку. В дело шли и сухие листья лебеды. Тоже из них делалась мука. Горьковатую муку делали и из желудей. Много суррогатов шло в хлеб при «недороде».

Вот с чем я столкнулся в первый, но, к сожалению, не в последний раз. И потом не в чужих руках видел я такой «хлеб». А держал его позже, в лихое военное время, в собственных руках. И не просто держал, а ел его, как спасение от голода. Ел его, так же как и весь известный мне сельский люд.

Щепотьево. Стоит упомянуть название этого ранее большущего села, и начинает щемить сердце. В нем начало нашего рода на пензенской земле. Там, на заброшенном сельском погосте, лежат все наши пращуры рода Вырыпаевых, Пендюриных и всех ближайших родственников: Ключниковых, Кузнецовых, Логиновых, Селиверстовых, и других.

Там зарыта пуповина нашего рода. Это единственный сельский погост наших далеких родных предков.

Деревни Шафтель и Подсот, другие обиталища наших пращуров по своей малости не имели своих кладбищ. Где они (наши пращуры) кинули свои кости? Возможно, на старых погостах Нижних Полян, Тархан, Верхнего Ломова и Чембара.

...И вот мы из Каменки, точнее со станции Белинская, в один из дней едем в Щепотьево, на нанятой сельской повозке, по грунтовой дороге, а других тогда не было в округе. Неспешно трясемся на повозке. Иногда, для разминки идем пешком. Скучная, безлесная, лесополос еще тогда не было, однообразность дороги, прерываемая заболоченной улицей Кевдо-Мельситово и разъезженной уличной горой Калдусс.

Но вот доехали до леса Сенного, и слева, в понижении, стал виден светлый купол щепотьевской церкви. Мы почти дома.

О щепотьевской церкви надо сказать особо. Она была построена в 1852 году. По легендам, слышанным мной в селе, она была необыкновенная. Якобы, после возведения в Москве храма «Христа Спасителя», Николай I распорядился построить по этому проекту по всей России 50 меньших копий этого храма. И в Щепотьеве, говорит давняя легенда,

один из них. По архитектуре, художественности и богатству росписей на его стенах, в это можно было поверить.

Церковь стояла на бугре - мысу, который огибала едва родившаяся река Лёвка. Кресты со всех куполов церкви, на моей памяти, уже были сняты, и она использовалась, как склад для нужд колхоза.

Около церкви, в не сохранившейся ограде, было кладбище, где хоронили помещиков и священнослужителей. Я видел его уже разгромленным. Никаких железных, ажурных крестов, обычных на таких кладбищах, уже не было. Только валялись в беспорядке надгробья. О кощунстве и не ведали те, кто это творил, вымещая свою злобу на помещиков и попов.

А, для простолюдинов существовал другой погост - на бугре, за истоком реки Лёвки, без единого кустика и деревца. Там с давних пор и лежат наши пращуры.

Церковь имела отдельно стоящую колокольню. В мою бытность на ней остался один единственный колокол. Без него – набатного не обойдешься. Звон его руководил всем укладом жизни этого большого села. А, как же иначе? Ведь часы были не в каждой избе.



*Церковь Троицы Живоначальной в Щепотьево (реконструкция развалин по русско-византийскому стилю)*



Село имело на моей памяти остатки увеселений молодежи – примитивную карусель.

За церковью, у мостка – гати через ручеек начала Левки была кузница. А на высоком левом берегу Левки, на взгорье, были останки двух ветряных мельниц.

Помещичьи усадьбы к этому времени растащили, и их местоположение угадывалось только по зарослям кустов дикорастущих разных декоративных растений.

В селе остались помещичьи сады, например, Норов сад - сад помещиков Норовых. Раньше, по преданиям, был конный завод помещика.

Это случилось в послевоенное время. Остатков конного завода уже не было видно, но однажды зимой на окраине села вдруг начал вытаивать большой прямоугольник земли. Люди перепугались. «А, ну как атом?» - вопрошали они. Раскопали, чтобы людей успокоить. Под слоем земли был обнаружен большой пласт конского навоза, который «загорелся» и вызвал большой переполох жителей. Это были следы конюшен помещичьего конного завода.

Особенностью населения села Щепотьева и соседнего – старообрядческой Андреевки (Малого Щепотьева) было в то время резкое расслоение по своим понятиям о нравственном. Почти пуританское поведение стариков и необузданные понятия об этом у молодежи. В говоре старшего поколения напрочь отсутствовала матерная брань. Употребление этих бранных слов они считали непροстительным проступком. «По што, ты язык свой поганишь, отсохни он у тебя. Грех это!» - увещевали они отступников.

Чистый от этой брани язык был во многих семьях. Не была исключением и наша семья. Я никогда не слышал ее из уст деда. А, по легендам самое бранное слово у прадеда Ивана Семеновича было: - «У, соколиное перо» - ворчал он на лошадь. Традиция чистого русского языка перешла и на всех их потомков.

Песенный фольклор старшего поколения населения Щепотьева мало отличался от шафтельского. Но население Щепотьева резко разнилось по народному песенному фольклору старших и, откровенно похабному, песенному фольклору молодежи.

Этому можно найти объяснение. Девушек этого села с дореволюционных лет вербовали в дома терпимости Астрахани и Баку. Это считалось хорошим отхожим промыслом, при щепотьевском крестьянском малоземелье. Подпольные дома терпимости особенно расцвели при «угаре НЭПа»

Иногда бывшие обитательницы борделей возвращались в Щепотьево, и с ними возвращалась их искореженная нравственность. А дурной пример заразителен, и на него

особенно падка молодежь. Вот и существовали два пласта песенной культуры: якобы вместе, но порознь.

А новые советские песни, откуда им взяться. Радио в селе нет, а кино, если его привезет кинопередвижка, немое. Можно было получить понятие о новых советских песнях только из грампластинок и патефона. Редких вещей, привозимых богатыми городскими родственниками.

Но, несмотря на безъязыкость кино, приезд повозки с кинопередвижкой был событием для села.

«Очагом культуры» был «нардом». Просторная изба с рядами скамеек и стопкой книг у «избача». Нардом обычно пустовал. Иногда приезжали актеры местной эстрады. Не всегда артисты были на высоте. Чаше это была откровенно низкопробная халтура. И среди всего этого праздником был приезд повозки кинопередвижки. Повозка привозила кинопроектор с ручным приводом, динамомашину, коробки с фильмами и «бога», - распорядителя всего этого, – киномеханика.

Вешалось объявление, и молва разносила: приехало кино. Я не запомнил: за плату или бесплатно показывалось кино.

Но то, что ребяташки, чуть не в драку, кидались помогать киномеханику, заставляет думать - это делали не безденежно. У крестьян денег было мало или не было совсем, рынка-то не существовало. Откуда им взяться при уклоне в натуральное хозяйствование.

Основным способом, найти хоть какие-то деньги, - это сдать в «коперацию» яйца или масло и «законтрактовать», - сдать на мясо осенью, - своего бычка. Наиболее предприимчивые добирались со своим товаром до базаров Чембара и Пензы. Вот и все.

Но вернемся к показу кино. Два добровольных помощника, из ребят, кидались привинчивать к скамье в заднем ряду динамо машину, смачивалась, вместо глаженья, и вешалась простыня – экран, киномеханик устанавливал кинопроектор. Рассаживались зрители. Мальчишки, на смену, начинали крутить динамо, вспыхивал свет экрана. И под треск проектора начинался сеанс. Вроде страшный примитив. Но, некоторые немые фильмы в селе запомнились надолго. А ребята даже пытались играть, подражая героям фильмов? Вот кинофильмы, которые произвели впечатление и долго вспоминались: «Красные дьяволята», «Пат и Паташон», фильмы Чарли Чаплина, фильмы с Игорем Ильинским «Закройщик из Торжка», «Праздник святого Йоргена» и другие.

Но кончилась и эпоха немого кино. На смену ему пришло кино звуковое. И с ним пришли автокинопередвижки. И песни советского киноэкрана стали доступны и селу. Но ностальгические воспоминания о немом кино долго еще были в народе. Это было в предвоенные годы...

Простимся с селом Щепотьево. Нет теперь его большого, как и множества других сел и деревень. Напоминанием о нем, большом, остались развалины церкви, похожие на большой гнилой зуб. И символом жизни, бывшей некогда в этих местах, журчит родник, обихоженный моим дедом.

Когда пытаются определить начало исхода, бегства крестьян из сел и деревень, то связывают это с началом коллективизации. На самом деле исход начался задолго до революции и прямо связан с реформой – «освобождением крепостных крестьян без земли». От малоземелья, крестьяне, за «реформу и освобождение», голосовали ногами. Политика выкупа земельных наделов у помещиков делала многих несостоятельными произвести выкупные платежи. Сначала уходили на отхожие промыслы. При разорении, что бывало из-за просрочки банковских платежей, становились низшим слоем городского населения – обитателями ночлежек и других приютов: на пристанях под кровлей опрокинутых лодок и в тепле, под кровлей «кирпичных сараев». И они в лучшем случае перебивались поденной работой, а в худшем случае становились нищими. Это я прояснил позже: по архивным документам и литературным источникам (например, Горький в пьесе «На дне» и Гиляровский в очерке «Хитровка»). Такова судьба и села Щепотьево.

Ностальгия. Ностальгия по родным местам, где жили когда-то наши пращурь, где мы родились, и где были места наших детских игр. Но все проходит. И город становится последним твоим пристанищем, в котором, как всегда и во всем, уживается вместе: хорошее и плохое.

Тридцатые годы. Годы невиданного подъема энтузиазма и страшного падения всех символов революции. Такого резкого контраста и потрясения жизни народа вряд ли, когда еще видела история нашей Родины.

Страшная жажда познания страной всего сущего. Учиться всему, во что бы-то ни стало, всему и везде.

Взрывы хорошего энтузиазма, и гордости за свою страну.

Это время строительства лапотной Россией Днепрогэса, Беломорско-Балтийского канала и канала Москва - Волга, строительство Магнитогорска и освоение богатств горы Магнитной и время пуска домен Магнитогорска, строительство Комсомольска на Амуре,

Чирчика и каскада ГЭС на реке Чирчик в Средней Азии. Строительство Хибиногорска на Кольском полуострове, Норильска и многих, многих других городов.

Создание подземного чуда – самого лучшего в мире московского метро.

Освоение на харьковских и ленинградских заводах производства современных паровых турбин.

Прорывы в научных исследованиях. Исследование, впервые в мире, космических лучей. Создание в Ленинграде и в Харькове машин науки – циклотронов, для ядерных исследований.

Исследования сверхнизких температур. Открытие сверхпроводимости проводников и сверхтекучести гелия при температуре близкой к абсолютному нулю П.Капицей.

Получение академиком С. Лебедевым, впервые в мире, образцов синтетического каучука, и разработка технологии его промышленного выпуска. Пуск, по оригинальному способу производства, завода синтетического каучука.

Создание промышленности шарикоподшипников - хлеба всяких современных машин, на которых все они крутятся.

Пуск первых наших заводов по выпуску автомобилей в Горьком, Москве и Ярославле. Выпуск первых наших тракторов «Фордзон-Путиловец» в Ленинграде.

Строительство заводов по выпуску тракторов в Сталинграде, Харькове и Челябинске.

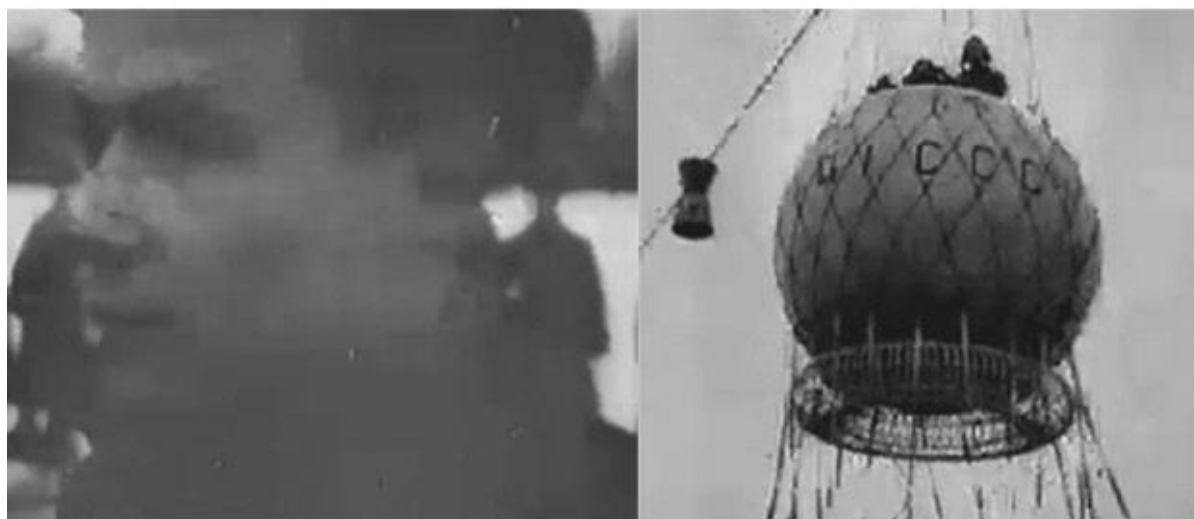
Пуск заводов по производству комбайнов в Ростове-на-Дону, Запорожье и в Саратове. И пуск новых заводов тракторных плугов, тракторных сеялок и другой современной техники для сельского хозяйства.

Строительство и пуск новых заводов авиационной промышленности в Москве, Рыбинске, Воронеже, Новосибирске, Омске, Иркутске и Комсомольске на Амуре. И на основе этого создание современной авиационной промышленности и самого большого в мире самолета «Максим Горький».

Рекорды дальних перелетов экипажей Валерия Чкалова и Валентины Гризодубовой – нашего в будущем «Почетного гражданина города Пензы». Первые в мире перелеты через Северный полюс в Америку экипажей В.Чкалова и М.Громова.

Я помню с каким трепетом слушали все, от мала до велика, из «тарелок» репродукторов трансляцию оперы Евгений Онегин. Как же, ведь по этому радиолучу и ведут экипаж Чкалова.

Но кроме всего этого, освоение Арктики, эпопея челюскинцев. Высадка в районе полюса дрейфующей станции Папанина «Северный полюс» - папанинцев. Беспримерный по продолжительности (более двух лет) дрейф во льдах Северного ледовитого океана ледокола «Седов». Капитаном на нем был наш земляк К.С. Бадигин. Достижение на стратостате «Осоaviaхим-1» рекордной высоты, с целью изучения высших слоев стратосферы. И в экипаже стратостата наш земляк И.Д. Усыскин – ученый, изучавший «космические лучи». Человечество всегда за все свои рекорды платит дорогую цену – жизнями подвижников. После достижения рекордной высоты, экипаж погиб при спуске стратостата.



*Стратонавт И.Д.Усыскин перед полётом. Гондола стратостата «Осоaviaхим-1» в момент старта (кадры из кинохроники)*

А, как встречала страна героев этих эпопей и перелетов описать невозможно.

И, как потом это выяснилось, именно в тридцатые годы страна наладила серийное производство, не превзойденных в мире, образцов оружия: танка Т-34, штурмовика Ил-2

и орудия ЗИС-3. Все это сделали, и еще многое другое, тридцатые годы. Энтузиазм и гордость за страну были неподдельны.

Страна все это сделала, как бы, на едином вздохе.

Могут спросить, как я это мог знать и все запомнить.

Вот объяснение этому. Наша семья выписывала в то время четыре газеты и два или три журнала. Было традицией в нашей семье в вечернее время громкой читки, отцом или матерью, наиболее интересного в журналах. Так, что главы «Тихого Дона», печатавшиеся в журнале «Красная новь», я услышал из уст отца. А начало романа Вениамина Каверина «Два капитана» я прочитал в журнале «Пионер» и роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» в газете «Пионерская правда». Все интересное для меня, я прочитывал до последней строчки.

Кроме этого я стал активным читателем детской библиотеки. Помогал библиотекарям, и даже стал иметь свободный доступ ко всем книгам на полках. Вот они истоки разных сведений в моей детской памяти.

Но вот повеяли суровые ветры. Мне шел 7-й год. Я помню мою прогулку с отцом и его приятелем. Шла их обычная беседа: о том, о сем. Вдруг голос моего отца стал тревожным и беспокойным: «Как не крути, а в воздухе запахло порохом. Мы идем к большой войне».

Эту реплику и тревожное выражение его лица, я хорошо запомнил. Тем более, вскоре этому появились хорошие подтверждения и моим занятием стали чтение фронтовых сводок: сначала из Манчжурии и Абиссинии, а потом и из Испании. Стало привычным обозначение линий фронта на карте флажками.

Времена окрашивают или определяют музыка и песни, распеваемые народом и исподволь предлагаемые властью. Например, взбадривали всех ликующие песни братьев Покрасс.

Скрашивали веселое, но нелегкое время, необыкновенно задушевные песни Исаака Дунаевского и они были так хороши, что народом запомнились - и стали его песенной классикой.

В это время родилась и стала всенародной любимицей, казалось бы простенькая песенка, Матвея Блантера «Катюша», а потом ее запел почти весь мир, и она стала любимой песней партизан и Югославии и Франции и других народов.

Появились замечательные музыкальные кинокомедии: «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Музыкальная история», «Антон Иванович сердится» и др.

А с ними и наши родные, любимые кинозвезды: Любовь Орлова, Валентина Серова, Марина Ладынина, Рина Зеленая, Людмила Целиковская, Зоя Федорова...

И будто заново открылись драматические и комедийные артисты: Николай Черкасов, Михаил Царев, Фаина Раневская, Борис Чирков, Эраст Гарин, Игорь Ильинский, Вера Пашенная, Борис Бабочкин, Олег Жаков, Иван Переверзев, Андрей Абрикосов, Николай Крючков, Петр Алейников. Борис Андреев, начинающий, а потом знаменитый Аркадий Райкин...

Создатели Московского Художественного театра Константин Станиславский и Василий Немирович-Данченко и созвездие артистов Художественного: Михаил Яншин, Алексей Грибов, Борис Ливанов, Фаина Шевченко, Виктор Станицын ...

Блистали оперные певцы и артистки балета: Галина Уланова, Екатерина Гельцер, Ольга Лепешинская, Максим Михайлов, Сергей Лемешев, Иван Козловский, Александр Батурин, да разве их всех перечислишь.

В народе в то время была сумасшедшая популярность, описать которую невозможно, цыганских романсов Изабеллы Юрьевой и Вадима Козина и русских народных песен Лидии Руслановой. И стала неожиданно страшно популярной незатейливая песенка «Синенький скромный платочек», которую мастерски исполняла Клавдия Шульженко.

Это было время расцвета советского оперного, балетного, драматического, киноискусства и эстрады - их «золотой век».

Своеобразно отразилось это время и в Пензе. Сильным толчком в музыкальной культуре стало строительство, невиданного для Пензы, дома культуры имени Кирова.

Именно эта площадка дала возможность создать необычную «Народную оперу», как называл ее основатель Ф. Вазерский. Он поставил в «Народной опере» серьезные вещи, например, оперу Даргомыжского «Русалка», оперетту «Свадьба в Малиновке». И в ней и мы с ребятами принимали участие – в роли статистов, изображая детвору, скачущую на прутике - вместо коня.

Лиха беда начало. На стихи пензенского поэта М. Инюшкина: - «От края до края по горным вершинам» - Ф. Вазерский сочинил явно конъюнктурную «Песню о Сталине».

Для первого исполнения ее создали грандиозный объединенный городской хор. Принимал участие в этом действе и я в хоре мальчиков из дома культуры имени Кирова, который присоединили к городскому хору.

Потом эту «Песню...» перехватил и переделал по-своему руководитель и дирижер Краснознаменного ансамбля А.Александров.

Народу, особенно молодежи, нужны были веселые танцевальные вечера с новомодной музыкой, с невиданными доселе «западными» танцами. Мода на них была такой большой, что специальные вечера обучения этим танцам были всегда переполнены, хотя вход на них был платным, по билетам.

Вот и покати́лась мода на танго и фокстроты. Модницы не только ногами выделявали фокстрот, но и на голове носили прическу фокстрот. И упивались томными, для нас совершенно незнакомыми, мелодиями гавайской гитары.

Среди них были особо любимые: «Брызги шампанского» и «Рио-Рита». Так что без этого постоянного музыкального фона это время теперь представить невозможно.

Казалось - все идет хорошо, но на душе становилось все более тревожно. Семичасовой рабочий день продлили еще на час. Пятидневку (пять рабочих дней, шестой – выходной) заменили семидневной неделей. Ужесточили, вплоть до драконовских мер, борьбу с самовольными прогулами. Это вызывало недовольство среди рабочих, но репрессивные меры быстро привели всех в чувство.

Но зародившийся в народе энтузиазм брал свое. И чисто спортивные занятия стали носить другой характер и оттенок, выполняемые с таким же, приобретенным ранее, азартом и прилежанием.

Усилил свою работу и проник во все поры общества Осоавиахим. Он стал прививать вкус молодежи к парашютизму, настроив чуть ли не в каждом парке отдыха парашютные вышки. Привлекать молодежь и прививать ей любовь к занятиям планеризмом и авиацией - под лозунгом: «Молодёжь - на планер и самолет!».

Осоавиахим. Стало своеобразным соревнованием завоевание его значков: ГТО (Готов к Труд и Обороне - трех степеней), Ворошиловский стрелок - трех степеней, ГПВХО (Готов к Противовоздушной и Химической Обороне). Он провел огромную просветительскую работу среди работников предприятий и всего народа. Даже школы охватила эта его работа. И обладание значками БГТО, БГПВХО (БГ - будь готов) и носить их - стало среди ребят гордостью.





*Значки: БГТО, ГПВХО, ГТО, Ворошиловский стрелок*

Это нашло своеобразное преломление в умах ребят. Стали обычны среди них споры о могуществе средств войны. Спорили с азартом. Шло начало 1939 года и споры были наивными – ведь еще не было трагического опыта войны. И мне запомнилось одно неожиданное пророчество в этих спорах: «Сейчас придумывают такую взрывчатку, что от бомбы с ней, такого города, как наш – половины не останется»». Слова эти, произнесенные в запальчивости, оказались пророческими. Воистину, «устаи младенца глаголет истина». А ребята почти все, где могли, стали посещать стрелковые кружки, и не из-под палки, а со своим интересом. Такие плоды дала пропаганда Осоавиахима.

А сейчас, оглядываясь на прошлое, с благодарностью отмечаешь эту его (Осоавиахима) работу – он многих сделал хорошими бойцами. И фашистская Германия, в дальнейшем, столкнулась не с лапотной Россией, а с хорошо подготовленными людьми, любящими свою Родину, какой бы она не была. Фашистская разведка глядела в кривое зеркало и принимала желаемое за действительность.

И на этом фоне никому и никак невозможно оправдать чудовищные репрессии, обрушившиеся на страну.

Видно такая судьба России, с ее безмолвствующими, в своей массе, людьми. Государство, ради защиты граждан которого оно создается, никак не может мирно жить со своим народом. Воевал с ним царизм, создавший самое настоящее полицейское государство. Воевал и советский строй, но со своей, совсем другой идеологической подкладкой, создав особый слой общества, готового на любую мерзость, идеологически освященную. Этот слой общества, как бы еще не «вернулся» с Гражданской войны, и все ее крайности были у него (слоя общества) в ходу. Наши высокие партийные руководители лелеяли и выращивали этих людей, готовых на все ради карьеры. Выращена была таким образом каста – «чего изволите». В такие времена всегда находятся, или ими (временами) воспитываются, люди особой породы. В атмосфере всеобщей подозрительности и доноительства, они чувствовали себя, как рыба в воде. Вылезли наружу нечистоплотные типы - и просто подлецы.

«Я тя посажу!» - кричал один другому, при бытовой ссоре. А подлецы, втихаря, стряпали липовые анонимные доносы на людей, которые когда-то на них косо взглянули.

Видно в крови это у нас. Воят и теперешние властители, выдавая борьбу с народом, за борьбу с остатками советского строя. При этом, выплескивая вместе с грязью политических баталий, и все хорошее, что было в советском государстве.

Холодным душем для энтузиазма народа стало, когда узнали о принудительном труде заключенных на всех этих гигантских стройках страны. Ранее это тщательно скрывалось от него – обывателя.

Был Максим Горький на строительстве Беломор - канала, но ему показали парадную сторону этой действительности.

Я сам узнал обо всем этом значительно позже, во взрослом состоянии. Меня, как и многих детей, берегли от этих мерзостей власти.

Не ведал тогда никто, что значили слова СЛОН и АЛЖИР. А они наводили ужас на людей, знавших, куда ведут их эти невинные, с виду, сокращения слов. А они значили, для заключенных, что их отправляют в Соловецкий Лагерь Особого Назначения. А жены, так называемых, изменников родины узнавали, что их отправляют в Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины. Я перечислил их только малую толику, а были еще лагеря Колымские, Воркутинские, Норильские и многие, многие другие. Даже в Пензе и области, применялся принудительный труд заключенных на стройках.

Вот она обратная сторона всех этих достижений. И революционный энтузиазм народа стал восприниматься, как показатель. Это было катастрофой, для нравственного самосознания народа. Перед этим меркли все достижения Советского государства.

И раскручивался маховик репрессий, который не вдруг остановишь. Многие, многие стали их жертвами. Тридцатые годы, конечно, дали огромный скачок в промышленном развитии нашей страны. Ставят в заслугу гению Сталина этот «гениальный скачок в геополитике». Гений?! На это давным-давно дал ответ А.С. Пушкин: «...А гений и злодейство – две вещи не совместные. Не правда ль?...». Неужели наш народ могла сплотить и подвигнуть на свершения всех достижений тридцатых годов только плетка репрессий? Не верю! Гениальность руководителя состоит в том, что он может сплотить народ без обращения к помощи этой плетки.

Борьба Сталина за власть затмила все эти достижения. И идеологическая подкладка, для этого была им притянута за уши.

Холодное опахало репрессий коснулось и нашей семьи. После невинного застолья четверых друзей, и горячего обсуждении злобы дня, последовал их вызов в органы НКВД и допрос с пристрастием

Отца вынуждали дать показания против одного из друзей, недовольного положением вещей. (Впрочем, о справедливом его недовольстве «работой» известных органов и даже самого Сталина). Отец сослался на то, что был нетрезв и не помнил содержания его разговора, но кто-то свидетельствовал против своего товарища.

И человек бесследно исчез. Подозревая в таком поступке своего старинного друга, отец порвал с ним все отношения, и имя его, до самой смерти отца, у нас в семье было под запретом.

А от мамы добивались показаний против директора школы Демаева. Он догадался кто из учителей дал ему хорошую характеристику, и поблагодарил маму, не раскрывая за что он маме благодарен. Когда я спросил маму, почему с риском для себя это она всё же сделала, она ответила: «Я все время думала о вас и помнила библейское выражение: «Не судите – да и не судимы будете».

Жили мы раньше с семьей папиного друга одной коммуной в трехкомнатной квартире, как родные. Разорвались отношения друзей, и мы переселились в маленькую комнатку в коммуналке, где в трех комнатах жило три семьи: с двенадцатью жильцами, тремя примусами и тремя хозяйками при них, и вечно пьяным одним из жильцов.

А семья бывшего друга стала жить одна единственная в многокомнатном одноэтажном доме, с подобием сада, на новой территории поселка велозавода.

В отношении отца этого известным властям показалось мало. Они поставили вопрос о недоверии к нему. И его работа на режимном предприятии стала невозможной - вынудили уйти с велозавода, и сменить профессию.

Новое жилище и новый двор – дал мне новых друзей.

Одним из новых моих друзей стал Вовка Милованов. Ранее знакомство с ним началось с неприятного для меня случая. Он жил далеко от первого нашего дома. Мне тогда было не больше 8 лет. Играли мы в своем дворе. Играл и Вовка в своем дворе, забавляясь с луком и стрелами. Одну стрелу пустил так высоко, что она пролетела большое расстояние и попала в наш двор. И не просто перелетела в наш двор, но и железным наконечником ударила прямо в мою голову. Так я познакомился с Вовкой.

Потом мы стали жить в этом (вовкином) доме. Он был много старше меня и стал для меня старшим другом. Я в это время учился в пятом классе, а Вовка уже в восьмом. Почему Вовка был без отца, я не спрашивал. Он был единственным сыном и мать его баловала. Таким баловством стали голуби. Мне родители не позволяли заводить голубей, а так хотелось их завести! Вот и пришлось, с этими моими интересами, приклониться к голубятне Вовки. Почему я говорю об этом, будет понято позже. Мне была интересна своеобразная война между голубятниками.

Селекционеры-голубятники вывели особую породу голубей: чисто белых, с черным, ярким пятном сзади головы – с черной шалью. Вовка имел такую голубку. Многие голубятники старались поймать ее в полете, окружив стайей своих голубей (это называется «загнать голубя»). Это оказалось бесполезно, голубка вырывалась из этой стаи голубей и садилась на родную голубятню. Многие голубятники хотели иметь племя от нее и предлагали ее продать им. И Вовка продавал.

А через неделю она являлась в родную голубятню, да не одна, а с сопровождающими. Отстали покупатели.

Грозой голубей были коршуны, гнездившиеся на водонапорной башне велозавода. При вылете коршуна на охоту, голуби уходили вверх, на высоту недоступную ему.

Увидеть стаю, ушедшую на предельную высоту, можно было только в бинокль. Однажды эта голубка зазевалась и пропустила атаку хищника. И он начал погоню за ней.

У нас с Вовкой сердца ушли в пятки. Но взять голубку оказалось коршуну не просто. После крутых поворотов, разных вывертов и кульбитов, голубка вдруг кинулась

прямо к стене соседнего трехэтажного дома. Тот бросился за ней. Перед самой стеной, под самым свесом крыши, она резко взмыла вверх. Хищный азарт коршуна позволял видеть ему только ее хвост, и он промазал и вмазался в стену.

Осталось от него только темное пятно на стене и кучка окровавленных перьев около дома. Попробуй объяснить этот хитрый маневр голубки только инстинктами? Такое разве увидишь еще, а наши переживания с Вовкой разве забудешь?

Вот и сейчас, как живую картину, вижу я эту погоню коршуна за голубкой.

Детство есть детство. Родители, как могли, берегли детей от тревог и мерзостей повседневности, а они врывается безо всякого спросу в их жизнь. Семья Вовки жила лучше, чем наша, занимая одна всю квартиру. Они имели большой желтый кожаный диван - постоянное место наших игр в шахматы и в другие игры. Брат вовкиной матери работал в учреждении, название которого называли шепотом.

1938 год. И в один трагический день, он застрелился на этом самом диване. Не до игр на нем нам было после этого.

А в нашей квартире перемены. К нам приехала, моя тетя, бывшая председатель колхоза, в поисках лучшей доли – в деревне одной с четырьмя детьми на руках, прожить было не вмоготу. Она поступила работать на велозавод – контролером - браковщиком отдела технического контроля. И хороший председатель колхоза стала придатком механизма: не проход детали по калибру - деталь брак, проход детали по калибру – деталь хорошая. И так целый день и изо дня в день.

Вот когда начали умирать деревни (и не только Шафтель), когда в общей массе потеряли ценность работники села. А тревожное предвоенное время потребовало притока новой рабочей силы, во что бы то ни стало.

И нашли выход. Создали «Трудовые резервы» - ПТУ и ремесленные училища для молодежи, заманивая в них полным обеспечением, общежитием, питанием и красивой форменной одеждой.

Точно так же поступили с подготовкой будущих квалифицированных военных кадров. Выяснилось, что артиллерийские военные училища, при новом наборе, испытывают трудности с плохой подготовкой будущих курсантов. Поэтому их приходится доучивать по нужным предметам: алгебре, геометрии, астрономии и, в особенности, тригонометрии.

Поэтому было решено создать на базе трех последних классов средней школы Артиллерийские Спецшколы. Это было подобие подготовительных классов для

артиллерийских училищ. Учащиеся этих Спецшкол обеспечивались обмундированием, для них обещаны были льготы после их окончания и т.п.

Это дело окружили широкой рекламой. Созданы были фильмы о жизни в этих классах. В фильмах была хорошая музыка и бодрые, жизнерадостные песни. Большинство этих песен забыто. Мелодия одной забытой, однако, до сих пор крутится в моей памяти. Только одна из песен, считавшаяся гимном этих Спецшкол осталась: «Мы идем средь полей золотистых. И бойцы молодые поют. Песня звонкая артиллеристов, Ты звучи, как салют! ...». Она и сейчас иногда звучит, как песня – гимн всем пушкарям.

А у нашей семьи опять хлопоты. С велозаводом отца связывала только ведомственная жилплощадь. Было много сначала намеков, а потом и прямых указаний, что ее пора освободить

Чтобы отцу окончательно развязаться с велозаводом и уйти из ведомственной «жилплощади», мама согласилась быть в школе-новостройке, заведующей учебной части. Её заманила большая, по нашим понятиям, квартира при школе.

А старое наше жилище заняла наша тетя, со своими детьми и считала это благодатью. Все-таки, есть удобства, и хоть в коммуналке, но не в спешно построенных бараках, на окраине города, на бывших полях ржи или других каких посевов.

Я все это привожу не как семейную хронику, а как пример тревожных времен перед войной.

Новое место жительства, новая школа - новые друзья: Вовка Дмитриев, Витька Федосеев. Витька несколько хромал по математике – вот и помогал ему. А еще у них радио говорило голосом динамика, а не как у нас голосом наушников. Так мы с ним пристрастились слушать цикл музыкальных передач о жизни Иоганна Штрауса. И рассказы об этом интересные, а музыка!

А еще у Виктора был старший друг Гуськов. Он часто приглашал идти к ним вместе. Потом, когда он много лет спустя представил мне свою жену – я понял зачем мы часто туда ходили. Его женой стала младшая сестра Гуськова.

А Вовка Дмитриев обладал удивительными талантами, мало того, что он в учебе схватывал все налету, но однажды взяв аккордеон первый раз в руки у приятеля, немного попиликал, потом заиграл на нем, как заправский аккордеонист. А до этого никаких инструментов и видом не видывал.

Песни и книги раскрашивают жизнь народа. И они вдруг сменились. Марк Бернес пел «В далекий край товарищ улетает» А народ понимал, что «далекий край...» - Испания, Китай или Монголия, где шли войны.

Сменились песни - прямо на воинственные: «По военной дороге шел в борьбе и тревоге ...», «Если завтра война...», «Ты лети с дороги птица ...» - песня о тачанке, «Каховка», «Винтовка. С юга до Урала ты со мной шагала...», «Эх, винтовочка, винтовка породнились мы с тобой! Вдаль глядят дозоры зорко! Мы готовы в бой. Мы готовы в бой», «... Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде, мы на чеку, мы за врагом следим – чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим ...», «... Блестя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин. И первый маршал в бой нас поведет...».

Только «Полюшко, поле» Книппера выделялось своей лиричностью и задушевностью среди этого воинственного барабанного боя.

Вышло несколько, на мой взгляд, вредных полуфантастических книг, вроде: «Если завтра война» и «Первого удара», фантазий на тему войны с фашистской Германией.

На злобу дня неуклюже откликнулось кино - не достигающими своей цели антифашистскими фильмами: посредственной лентой «Родина зовет» и грубо сделанной поделкой «Семья Оппенгейм», не стоящей отличного романа Манна. И «Если завтра война», эта вредная фантазия, все-таки прорвалась на киноэкран.

Отдушиной от подобных поделок стали классика предвоенных фильмов, по-настоящему патриотических: «Александр Невский» и «Суворов». Вдруг вспомнили их - великих патриотов.



*Кадр из кинофильма «Александр Невский»*

Изменился и ассортимент товаров на прилавках в магазинах. Исчезли из продажи французские булочки – наше, ребяташек, двадцатикопеечное лакомство. Это был «школьный завтрак». В то время в школах не было ни столовых, ни буфетов.

В продаже появился, так называемый «серый» хлеб. Свежий он даже был вкусным. Из чего его пекли – для меня загадка.

Но постепенно с хлебом стали случаться перебои. И иногда рано утром возникали очереди за любым хлебом. Появились, химическим карандашом написанные на ладони номера очереди, за ним, еще не привезенным.

А войны вроде еще нет. На самом деле, с нашего тайного вмешательства в гражданскую войну в Испании, страна исподволь вползала во Вторую Мировую.

А на Дальнем Востоке недовольство японцами. Глухое негодование владения Японией половиной Сахалина и Курильскими островами.

И отражение этого недовольства – полуфантастическая книга Павленко «На востоке». Книга полная антияпонских измышлений. Невольно следует вывод: Япония наш враг.



В Китае идет японо-китайская война и наши официальные симпатии Китаю. Рано или поздно это должно было привести к конфликту с японцами. И он случился на озере Хасан, оставив в памяти народа лихую песню о «Трех танкистах».

Не очень афишировался, прошел почти незамеченным, конфликт с японцами на реке Халхин-Гол в Монголии.

Сталин в своих речах твердил: «Мы в осажденной крепости».

И вдруг подружились с Германией. Поделили с ней Польшу, прибрали к рукам Прибалтику и преподнесли это, как акт милосердия и воссоединения народов.

Комментарии к войне, начавшейся на западе, были более благоприятны для Германии и, исподволь, прививали симпатию к германским войскам. С полок библиотек срочно снимались книги «Если завтра война» и «Первый удар» и книги антифашистов, подобных Генриху и Томасу Маннам.

И мозги народа встали набекрень. Кто считался врагом - стал страной «дружественной» нам.

Логическим следствием этого стала «незнаменитая» война с финнами, но она прошла быстро и мало потревожила население.

Не исключено – к возникновению ее приложила руку германская разведка. После ее окончания, мы были со всеми странами в состоянии перессорившихся, как позже выяснилось, в угоду фашистской Германии.

Ну, а в магазинах по-прежнему, висят, покрытые плесенью, сырокопченые дорогие колбасы, – вкуса которых народ и не знал. И толстенные колбасы, в разрезе шахматные, по особому способу изготовленные, не для простого люда. И сыр и колбасы были в это время, для нашей семьи и для многих других, большим и редким лакомством.

Вот, что характеризует уровень жизни народа. «Выбросили» в продажу однажды в нашем магазине «красную икру». Очереди за ней не было, видимо, не знали ее вкуса. Ее из-за дороговизны брали навесками по сто, двести граммов. Мама, взявшая ее целый килограмм, была среди покупателей «белой вороной».

И икра не была исключением. Некоторые виды консервов попали в разряд редких на столе, например, сардины в масле были его украшением – праздничным деликатесом.

Но зато были в продаже хорошего вкуса овощные консервы: баклажаны в масле, кабачковая и баклажанная икра.

Разные вкусные разности, вроде копченого угря, лосося, или белорыбицы, стерляди и осетра, не появлялись на прилавках магазинов в Пензе.

И рогожный куль, полный копченой воблы, был большим подарком, от родственницы, жившей в Астрахани. Еще бы, такое лакомство – лакомство на целый год.

Но можно было везде увидеть крабов в собственном соку, выработанных концессионной фирмой – «СНАТКА», т.е. фирмой, отданной в концессию иностранцам.

В это время не была принята торговля молоком и молочными продуктами в государственных магазинах. Молоком торговали молочницы. Утром, в любое время года и в любую погоду, с полными четвертями с молоком наперевес, или с ведрами на коромысле полными кислым молоком. И покупатели, и продавцы были друг для друга постоянными, и как бы, вечно знакомыми. Так, в условиях монополии государственной торговли, возникал рынок.

Сельские жители хоть и имели малые угодья, на своих подсобных хозяйствах, но «излишки» продуктов и желание иметь хотя бы, какие-то деньги, дали толчок, для создания, так называемого, «Колхозного рынка».



*«Колхозный базар». Картина Ф.В.Сычкова, 1936г.*

На нем можно было купить все, чем богаты села: мясо, мясо парное, мясной сбой (гусёк, моталыжки, язык, сердце, печень, сычуг и прочие внутренности), все виды овощей

и фруктов, квашеную капусту и моченые яблоки, все виды молочной продукции, и даже мед. Меда было мало колхозного, в основном мед с индивидуальных пасек. Объяснить это можно низкой товарностью колхозных пасек

Специализированных пчеловодческих колхозов не было, дело это хлопотное, а начальство требует – больше внимания к зерновым культурам.

Я был свидетелем, как самодур районный начальник заставил перепахать поле посеянного отличного медоноса – драгоценной фацелии (не чего сорняки разводить!). Пчеловод плакал не столько от жалости к запаханной фацелии, сколько от хамства и унижения.

Словом все, что не могла обеспечить, ни государственная торговля, ни потребкооперация, было на рынке.

В это время произошел перелом в моем здоровье. Все кто, болел хронической малярией, знают, что она создает отвращение к еде и тем самым постепенно убивает больного. Все эти завтраки, обеды и ужины, были для меня пыткой.

Обычно приступы малярии мучили меня весной. И вдруг сильнейший приступ малярии случился летом. Приступ внезапно как возник, так же внезапно и кончился. Неожиданно возникшая рвота вытолкнула из меня темно зеленый клубок, как какую-то затычку. И зимой в моей крови никаких малярийных плазмодиев школьное обследование не обнаружило – от малярии я внезапно вылечился, и меня вычеркнули из списка маляриков.

И я словно заново родился. Появился зверский аппетит. Лыжи и футбол вдруг стали доступны для меня. И на футбольном поле возле школы, мы с ребятами пропадали по целому дню.

К нам в Пензу приехал, какой-то театр оперетты. На воскресенье, 22 июня, была назначена постановка оперетты «Веселая вдова» в д.к. имени Дзержинского.

Все шло своим порядком.

Был теплый, малооблачный день. Мама сидела на крыльце нашей квартиры, копошилась над моей новой, белоснежной, тонкого льняного полотна рубашкой – вышивая её нарядным, голубым узором. Не отвлекаясь от вышивки, она послала меня купить перловой крупы.

Да-да, за перловкой – такой теперь всеми нелюбимой, а тогда даже в селе, при разнообразии разных круп, ставилась на стол перловая каша.

Магазин тогда был далеко от 14 школы, где мы жили. И я шёл и шёл беззаботно. На углу меня окликнули мои приятели Гуськовы: «Иди скорей сюда. Молотов сейчас будет выступать».

Так, на углу теперешних улиц Суворова и Кулакова, я и встретил известие о начале войны. В магазине уже было много народа, и как всегда при таких событиях, молча запасались солью и спичками. Купил перловку и помчался домой.

Мама, война! – закричал я, подбегая к ней. Она выронила из рук свое шитье. Но, потом, собралась с духом, и произнесла пророческие слова:

- «Война с Германией будет долгой – пока не износишь эту нарядную рубашку. Носи ее не стесняйся. Как она превратится в тряпку, так и война кончится».

Эти её, в запальчивости сказанные слова, я запомнил на всю жизнь. Их пророчество оказалось верным: износил её, нарядную, и война окончилась.

А постановка «Веселой вдовы» назло врагу состоялась.

Нашу школу в тот же день заняли военные – в ней стал призывной пункт. Пока было не ясно, в какую школу мы – ее ученики перейдем.

На следующий день раскопали, по предложению отца, лужайку перед окнами нашей квартиры и посадили картошку. Все, кто это видел, качали головами – поздно для картошки. Видели бы они, какая отменная она уродилась. Но мала была эта лужайка: уродила хорошую картошку, но ее было мало, для нашей семьи. За школой была большая поляна. Но ее большую часть, - наше ребячье футбольное поле, - теперь занял военный плац.

И в одно мгновение все переменилось. Пропало искреннее веселье, как не старались быть веселыми лица – состояние тревоги читалось на них. Эта постоянная, невысказанная боль и тревога, поселилась во всех душах на все военные годы.

Вот, когда мы все вдруг ощутили единство всего народа.

Как не вспомнить при этом стихи Константина Симонова:

Тот, самый долгий день в году,

С его безоблачной погодой,

Нам выдал общую беду:

Одну на всех – на все четыре года ...

Вскоре появились первые «беженцы», именно «беженцы», а не эвакуированные. Различие одних от других видно было сразу - по степени организованности и по поведению.

Эвакуированные не бегали по нашему тыловому городу в нижнем белье, как ошалелые. Они знали, куда их везут и было, хоть какое то, питание.

Беженцы - бедняги пережили видно столько, что не сразу понимали, где они находятся. Они могли быть источником самой настоящей паники.

И власти волей - не волей должны были им помогать и стараться отделить просто испуганных людей, от людей полусумасшедших, потерявших все и себя тоже, от заведомых паникеров.

Я был свидетелем беспорядочной беготни на улице Московской одного такого «беженца». Он был в нижнем белье, и на него был накинут какой-то плащ, на ногах шлепанцы. Он, что-то хотел, или спросить или объяснить людям, но от него все шарахались, как от зачумленного. Продолжалось это довольно долго, пока подошедший милиционер не увел, куда-то беднягу.

Эвакуированных везли не только в пассажирских вагонах, но и в товарных. Но там в них нет никаких удобств. Результатом было: забитые до отказа нечистотами туалеты, и изобилие нечистот на станционных путях.

С дореволюционных времен на привокзальной площади были, какие-то деревянные, окрашенные, как товарные вагоны, строения типа пакгаузов. Говорили: в первую мировую они использовались для формирования и питания мобилизованных. Теперь это оказалось кстати - на них были развернуты кухни, которые работали круглосуточно: и обеспечивали котловым довольствием эвакуированных и воинские эшелоны.

Я был свидетелем, как из военного городка, уходила на фронт какая-то часть. Строй ее, колонной по четыре в ряд, растянулся от верха Московской до самого низа и дальше. Солдаты шли молча, в полном обмундировании, в касках, при оружии с примкнутыми штыками, с саперными лопатками и противогАЗами. Столпившиеся люди, видя их молчаливый марш, в оцепенении тоже притихли, только слышен был ритмичный шаг сапог, да некоторые старушки торопливо крестили строй.

К нам в Пензу, довольно маленький город (до войны в нем жило примерно 180 тыс. жителей), прибыло много эвакуированных предприятий. С ними Пенза сразу стала промышленной. Даже Дом куль туры им. Кирова обнесли колючей проволокой и поселили в нем страшно секретное, какое-то КБ из Ленинграда. Кончилась моя любимая библиотека - там стал гальванический цех.

Стал военным спиртоводочный завод: перешел на выпуск минометов - вместе с заводом, эвакуированным на его производственные площади.

Пищевой промышленности тоже коснулась перестройка производства на военный лад – стала выпускать концентраты: сухие заготовки супов и каш. Даже макаронная фабрика была готова выпускать макароны артиллерийских порохов – дай только сырье, пороховое тесто.

На производственные площади галетной фабрики прибыл в эвакуацию, какой-то завод, который выпускал страшно секретную продукцию («Катюши» - тс !).

Рядом стоящая мебельная фабрика еще с довоенных лет ремонтировала самолеты И-16. Теперь она стала ремонтировать побитые на фронте, более современные самолеты: ЛаГГ-3, Ла-5 и Ла-7. Восстанавливали их буквально из ничего. В это время организовали ремонтные бригады и стали ремонтировать самолеты прямо на фронтовых аэродромах.



*Самолет ЛА-5ФН*

Пензенский часовой завод стал выпускать детонаторы с часовым механизмом и стал центром ремонта ПУАЗО (приборы управления зенитным огнем).

Маленький чугунно литейный заводик перестроился и стал выпускать минометные мины.

На ж.д. станцию Белинская прибыли поезда с эвакуированным заводом Ростсельмаш. Сразу поставить его оборудование вместо оборудования строившегося сахарного завода не удалось. И валялось оно под откосом. А у меня сердце кровью обливалось, когда я видел там не только станки, но и ротор паровой турбины. Я уже понимал, какую точную и драгоценную вещь вынуждены были бросить под откосом, и вряд ли ее теперь сумеют восстановить. Но, слава богу, она не досталась врагу.

На месте бывшего стадиона «Зенит», с футбольным полем, баскетбольными и волейбольными площадками, парашютной вышкой, эстрадной сценой-раковиной и с «зеленым театром», и парка с летним театром, быстро построили новые цеха – расширили производственные площади велозавода. Жаль мне было всего этого, в особенности летнего театра, в котором впервые вместе с родителями я услышал и оперу «Риголетто» и песню М. Блантера «Катюша».

Постепенно все эти заводы, и, самый крупный из них, велозавод набирали мощь. Они стали работать в две смены по 12 часов.

Наступила осень. А с нею светомаскировка – рулоны черной бумаги облепили каждое окно.

Иные времена – иные песни. И они пришли.

За песней, действительно патриотической, зовущей к борьбе, песни от которой мороз шел по коже - «Священная война», пришли и другие.

Первыми рванулись в радиоэфир, вроде патриотические, но плохо воспринятые народом: «Пролетают кони шляхом золотистым. В стремени привстал передовой ...», «...Смелый дерется с врагами жизни своей не щадя. Смелый проносит как знамя светлое имя вождя ...», «Два Максима».

Но вдруг пришла «Смуглянка». И, полная лиричности и спокойного мужества, любимая всеми: песня «Вечер на рейде». С нее, лиха беда – начало, покатила ВОЕННАЯ слава Василия Соловьева - Седого. «Песня о Москве» Тихона Хренникова из музыкального кинофильма «Свинарка и пастух», и песня полная трагизма, мужества и нашей, всем известной, но такой сейчас нам необходимой стойкости: «Я по свету не мало хаживал...»

И новая слава прошла к песне «Синенький, скромный платочек...», переделанной на злобу дня. Прошла эта песня через все фронты, вместе с новой славой К.Шульженко. И

каждая часть, каждая Армия, каждый Фронт предлагали дополнить текст песни новыми словами.

Замечательный кинофильм «Два бойца» подарил народу, не менее замечательные, песни «Темная ночь» и, подхваченную народом «Шаланды». Замечено, что народ в песнях отличает красоту от красоты. Его красавица не обманывает – народ чувствует фальшь и пошлость.

Забыты песни, в которых вроде все есть и даже в избытке: «Студенточка», «На полянке возле леса, стали танки на привал...» и песня вначале модная «Черные ресницы, черные глаза». Не помогли им ни ложная красота содержания, ни их наигранный пафос. Их, не смотря на это, забыли.

Темные слякотные ночи. В-то время не каждая улица Пензы была замощена. Где ходить темными улицами? По дороге - в грязи утонешь, по деревянным тротуарам, подломанная доска или висячий переруб, держащийся за хлипкие доски – окатит тебя фонтаном жидкой грязи.

Таковы будни военного времени. В них стало сначала мутно на душе, а потом пришло тоскливое отупение.

Сводки с фронта не радовали – немец все прёт.

Были даже сводки очень краткие, но от них волосы становились дыбом. Вот одна из кратких, переполошившая всех: «Положение на Западном фронте ухудшилось» и все. Шутить такими сводками опасно. Именно из-за нее, как потом выяснилось, возникла большая паника в Москве.

Вот, когда за ворот стала заползать жуть войны

Но не зря же работают и стар и млад. И их работает немало, Почти пол города и все окружающие села. Когда на велозаводе «пересменка», т. е. когда смена ночная и дневная меняются временем работы, навстречу этой толпе народа, идущей сплошным потоком, протиснуться почти было не возможно. Что ж в этом удивительного – общественного транспорта, способного перевезти эту массу народа, в городе не было.

Для грузовиков горючего нет - его заменили газогенераторным газом, получаемым из чурок. Газогенератор такие грузовики возят на себе – и так на чурках машина плохо тянет, а тут еще вози с собой это газово-чурочное шоферское страдание.

Несколько автобусов, которые были у города, переделали в газогенераторные – в гору улицы Московской они забирались с большим трудом.



Вот и валила «пересменка» сплошным потоком – пешком. И, для бывшей ночной смены, это был праздник: еще бы один день свободный, а потом работа в дневную смену.

Таковы будни военного времени. А чем же они славны?

Ведь не зря же растут огромные горы металлической стружки. Не успевают убирать ее даже от заводских окон. Уберем после Победы. И пришлось, потом, убирать эти спрессованные годами пирамиды проржавевшей железной перепутанной стружки подъемными кранами, оснащенными грейферами. Только они помогли это сделать – убрать эти горы.

Еще бы! Ведь эти горы чуть ли не выше третьего этажа. Это работа уборщиков цехов, уборщиков отходов производства. Стружка, в масле и в остатках охлаждающей эмульсии, выбрасывалась прямо из открытых окон цехов. Эту трудную и грязную работу не каждый осилит.

Вот на такой работе и стала работать Стеша Кошелева, которую я упоминал в рассказе о Шафтели. Ее перетянула в Пензу моя тетя. Она даже какое-то время жила у нее. Быть станочницей она не смогла. На тяжелую и грязную работу уборщицы она согласилась. Деревенская закалка помогла ей стать уважаемой работницей на этой тяжелой и грязной работе.

Спецодежды для этой работы хорошей не было, а выдаваемого халата хватало не надолго. Чтобы сделать себе прочный фартук, Стеша договорилась с начальником цеха сделать его из полотна старой изношенной наждачной шкурки. Для этого она отстирает его от масла и остатков наждака дома и сошьет прочный фартук. Стеша, не скрываясь, взяла сверток и пошла на проходную. Там ее задержали.

Завод охраняли войска НКВД. Они его не только охраняли, но и боролись с таким явлением как «несуны». Под предлогом сохранения военных секретов, в проходных проводился сплошной обыск рабочих. Чаше попадались с инструментом.

Приработками после смены жил двужильный народ. А в магазинах инструмента нет – он есть только на заводе. И, несмотря на строгий обыск, на спор, вынесли даже кузнечную наковальню. Как это сделали, мне рассказывали потом участники этого анекдотического случая, много лет спустя.

Начальник цеха кинулся выручать хорошего работника, где он найдет еще, такого безотказного и покладистого, попавшего по своей простоте в беду. Но в комендатуре показали шнуровую книгу дежурств, куда она уже была записана и напомнили старую

поговорку: «Что написано пером – того не вырубишь топором». После года тюрьмы следы простодушной Стеши теряются.

Отца призвали в армию, и я остался старшим мужиком в семье при часто болеющей матери. Было от чего задуматься.

Скорее из-за мальчишеского энтузиазма, чем по здравому размышлению, решил получить права на управление трактором. Это было поветрием среди ребят. Однако не всякому, это оказалось по зубам.

Практики вождения и ухода за трактором, я посчитал, что мне хватает, а вот с тем, как устроены именно эти трактора было хуже. Учебников нигде не достал, Попались, книги про устройство тракторов «International Harvester» и «Farmoll». Вспомнил, что старики-трактористы наш трактор СТЗ называли «Интер». Оказывается трактор СТЗ был копией «International».

Читать эти книги мне было нетрудно, поскольку до этого с интересом прочитал вузовские учебники отца по «Машиноведению» (книги Наумова и Фармаковского). Но, что толку от знания, чем отличается дизельный тепловой процесс, от процесса бензинового двигателя. Мало толку от знания устройства дизеля фирмы МАН и двухтактных дизелей фирмы Юнкерс. Что толку от знания, что такое политропы и адиабаты на индикаторных диаграммах двигателей. Интересно, да и только.

Времени для изучения устройства тракторов «Интернационал» была целая зима.- и я эту книгу изучил основательно. Весной 1942 года я сдал экстерном экзамен на право управления трактором и работы комбайнером. И еще один ученик из нашего класса - Полосаткин последовал моему примеру...

А Пенза жила в это тяжелое время не только работой заводов. Работали, кроме самодеятельных драматических кружков и хоров, два профессиональных театра: Пензенский театр драмы им. Луначарского и Ростовский театр Оперы и оперетты. И почти всегда они были с полными сборами.

В драмтеатре шли пьесы: «Давным-давно», «Парень из нашего города», «Пигмалион», «Фронт» и другие. Украшением сцены драмтеатра все девушки и женщины считали артиста Стебакова. На премьеры спектаклей с его участием билеты иногда было трудно достать.

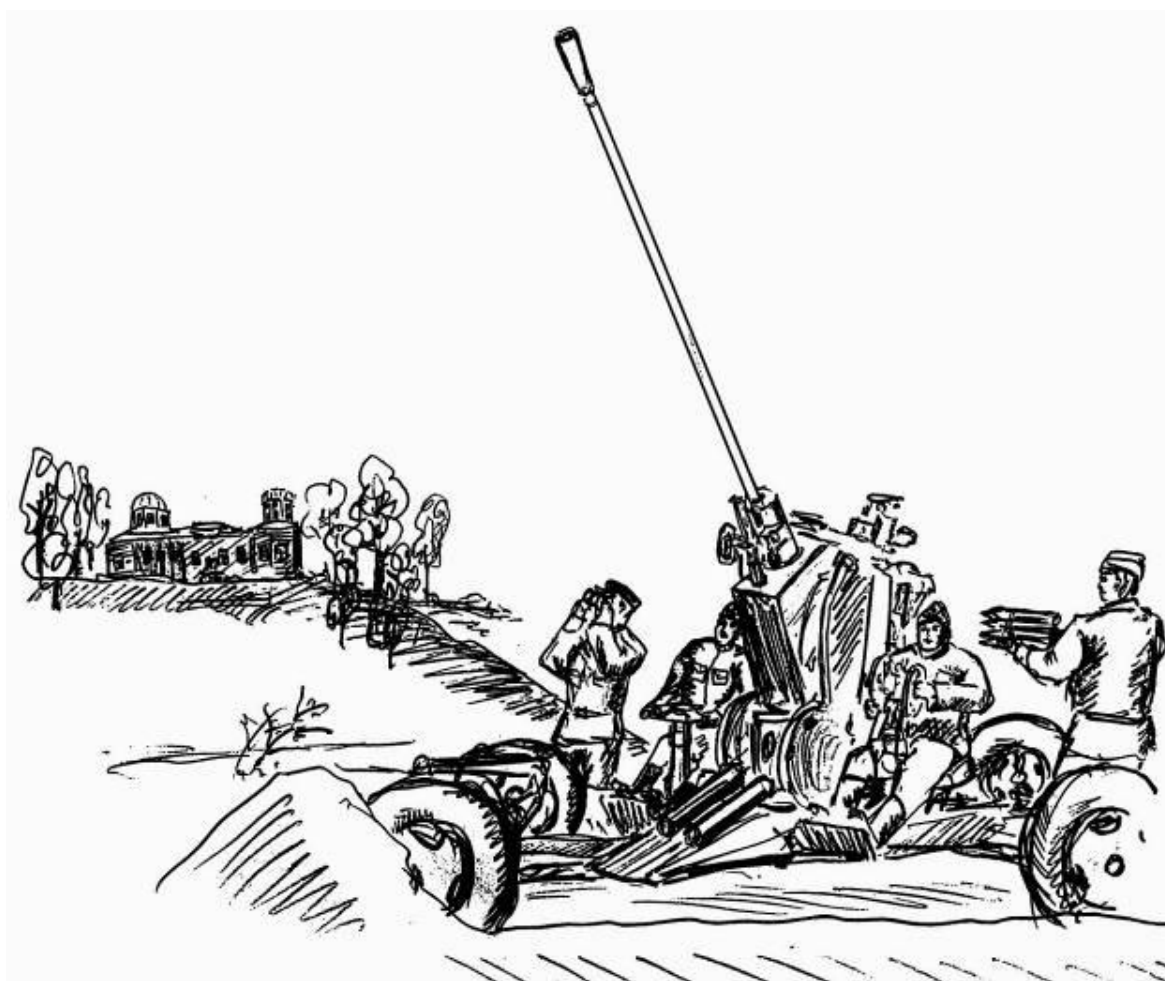
А Ростовский театр оперы и оперетты ставил наиболее известные оперетты и оперы.

Оперетта. Что касается меня, почти всю классику этого жанра, я увидел в этом театре при неплохом качестве спектаклей. И тем самым переболел детской болезнью увлечения опереттой. Оперетта давалась в летнем театре в парке. И я исходил его вдоль и поперек.

Все, кто теперь гуляет по парку и «Тропе здоровья», не обращают внимания на странные выемки большого размера на склоне парка.

А ведь они прямо связаны с военным временем. Это остатки артиллерийских окопов – капониров, для установки зенитных орудий.

Зениток было много. Они стояли не только в парке, но и на пустыре возле Мироносицких кладбищ и около ответственного цеха велозавода.



*Зенитчики в парке за планетарием*

Редкий город в нашей стране имеет такое количество стратегически важных мостов на сравнительно небольшом пространстве. Власти это поняли. Установили около них зенитки, и мосты стали охраняться военными. Жителям ходить по ним запретили.

Ходили по временным наплавным мосткам и переправлялись на лодках.

И весь город ошетинился зенитками, а на аэродроме пара дежурных истребителей. Но все это еще надо было обучить, сладить и натренировать.

Однажды, осенью в наушниках и на улице завывали сирены, загудели тревожные паровозные и заводские гудки – учебная воздушная тревога.

Впервые, я услышал: вой сирен, надрывный вой заводских и паровозных гудков. Первый, но не в последний раз, увидел наш штурмовик и услышал его завывание, при форсаже мотора, когда он делает вираж над Пензой -3. Тогда можно было видеть от 14-й школы небо этой железнодорожной станции – тогда Пенза была одноэтажной. И я видел его имитацию бомбежки станции. Захлопали вхолостую зенитки. Обывателя напугали вполне. А это, видимо, и было задачей учений.

В ахунских санаториях, домах отдыха и некоторых школах развернули госпитали. В них стали поступать раненые. Когда приходил госпитальный поезд под разгрузку, у всех медработников начинался аврал.

Эти госпитальные хлопоты еще мало касались детей. Шефство детей над госпиталями было впереди.

Учеба наша началась с опозданием. Не до учебы - рыли щели – укрытия, для защиты от возможных бомбежек. Нас приютила 2-я школа (точнее подселяли к ней), а потом гоняли, нашу 14-ю школу, по трем школам и трем сменам в них.

Трудно маме - хлопот у завуча школы много. Она буквально сбивалась с ног. Ведь школа-то хоть и одна, но в трех местах, разбросанных и в пространстве (чужих школах), и по времени занятий – в три смены: с утра и до самой ночи. Вот и бегала она по всем трем школам, и по всем трем сменам в них. Привычка сделать все хорошо – дорого стоила ей. Мамино здоровье пошатнулось, не выдержало такой сумасшедшей работы. Сердце начало сдавать, и она заболела, заработав порок сердца и отеки ног и рук из-за плохого кровообращения.

Зима легла рано и с сильными морозами. И вдруг, неожиданно мелькнул светлый лучик надежды: «Разгром немцев под Москвой». Такого подарка люд уже отчаялся ждать, а, значит, жить еще можно. Все воспрянули духом - теперь мы погоним фашистов до самого Берлина.

Но видно не все получилось у командиров, привыкших к отступлению, и умеющие воевать скопом и на ура. Вот когда сказались зверские репрессии против опытных военных. А молодые, на место них поставленные, наскоро обученные, не могли их заменить и не скоро они научатся бить врага. Военная безграмотность, в том числе и высших партийных деятелей, оплачивается неизбежной и неоправданной кровью и потерями. Дорого обходится учеба на поле боя. Видно, силен еще фашист, со своей организованностью и порядком

В это тяжелое время, отдушиной и глотком чистого воздуха надежды, были очерки и корреспонденции с фронта Константина Симонова и Ильи Эренбурга. Бывало, ждешь - не дожدهшься, их корреспонденций в газетах «Известиях» или в «Правде».

Оба они были не новичками на этой войне. Константин Симонов получил первые военные уроки на Халхин-Голе в Монголии.

Стихи Симонова, связанные с военным временем, настолько полюбились фронтовикам, что в минуты затишья на фронте, их переписывали друг у друга. И стихи Константина Симонова «Жди меня» и «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» пошли гулять по свету с солдатской почтой.

А Илья Эренбург впервые увидел звериный оскал морды фашизма в Испании, в Интернациональных бригадах, боровшихся против него (фашизма).

Он там воевал вместе писателями – демократами: Эрнестом Хемингуэем, Антуаном де Сент-Экзюпери и другими. Они видели этот звериный оскал, буквально, на расстоянии вытянутой руки.

И статьи Ильи Эренбурга не только нам, в тылу, грели душу, но и на фронте солдатам. И вырезки из газет статей Эренбурга даже хранились в партизанских отрядах, как нужное и грозное, нравственное оружие.

Обе эти газеты, - «Правда» и «Известия», - публиковали и работы других крупных писателей. Алексей Толстой опубликовал в газете «Правда» замечательный рассказ «Русский характер», а Михаил Шолохов в той же газете напечатал рассказ «Наука ненависти».

В 1943 году в газете «Известия», из номера в номер, Шолохов начал печатать отрывки из романа «Они сражались за Родину». А Твардовский своего «Василия Тёркина». И все с нетерпением ожидали новых публикаций, выпрашивая друг у друга, номера газеты, в которых было их продолжение. Вышли, так нужные для самосознания народа кинофильмы: бодрый и оптимистичный «Антоша Рыбкин» с любимым артистом –

Борисом Чирковым, и наполненные любовью замечательной классической музыкой и ненавистью к подлым захватчикам «Воздушный извозчик», «Актриса» и, - такой теперь нужный, насквозь патриотичный, - фильм «Кутузов». А какие любимые народом артисты в них снимались: Людмила Целиковская, Михаил Жаров, Борис Бабочкин и др. Один набор этих имен чего стоит и они с нами, воодушевляя народ на борьбу.

Но вернемся в Пензу 1941 года.

Я учусь в 8-м классе, и хоть никуда из своей школы не уходил, но поменял уже не одну школу, и не одну смену учебы в них.

Живем неважно, да кто только не бедствует теперь! Из припасов осталась только мерзлая картошка, хранящаяся у нас на улице в снегу, которую вначале зимы выменяли на что-то, но от мороза не сумели уберечь.

Маминой зарплаты хватает только на то, чтобы подкупить что-то на рынке и выкупить продукты по карточкам. Да и сколько тех продуктов по карточкам служащей и трех ее иждивенцев.

Папа в Сызрани проходит военную учебу перед отправкой его на фронт и нам помочь никак не может. Было от чего задуматься. И отец дал нам совет уехать в нашу деревню. Там хоть картошки будет вдоволь и на вольном деревенском воздухе мама лучше справится с болезнью. Так и стали мы деревенскими жителями села Щепотьева.

На излете зимы, 1-го апреля 1942 года, я слушал по наушнику утренние последние известия. Вдруг в 6 часов 15 минут в наушниках завывала сирена, и затем завывали все гудки. Воздушная тревога. Во входную дверь, как с размаху поленом кто-то ударил, зазвенели стекла в окнах. Растерялись домочадцы.

Я опомнился первым: «Это настоящая боевая воздушная тревога и зенитки открыли боевую стрельбу».

Выскочил на улицу, поднял глаза вверх – высоко в небе немецкий самолет, с ноющим характерным прерывистым завыванием и гулом. Этот звук я запомнил на всю жизнь.

Хлопают зенитки, но разрывы снарядов далеко в стороне от самолета.

Потом воздушные тревоги стали постоянными. До нашего отъезда в деревню, они были, чуть ли не каждое утро: 6 часов 15 минут и вот в наушниках завывала сирена, подхватили ее звук и завывали все гудки: паровозов и заводов.

Выбегаю из дому, и вот он - немецкий самолет над моей головой. Но теперь зенитки ведут организованный огонь, и завеса черных разрывов снарядов перед самим

самолетом. Он начинает маневрировать, набирает высоту и зенитки в парке и на пустыре перестают стрелять – он становится, для них, недосягаем.

Только батареи возле специального цеха велозавода достают до него, стреляя через весь город, и ставя перед ним, такую же завесу разрывов.

Но вдруг перестают стрелять и они. Откуда то, появляется наш истребитель, набирая высоту. И немец, не желая встречи с ним, удирает с нашего неба.

Вот этот сценарий и повторяется с немецким строгим «*Ordnung*-ом» (порядком) почти каждое утро. Явная атака на психологию людей - запугать народ.

Позднее, в один из моих приездов в Пензу, старшая двоюродная сестра рассказала, что почти все школы взяли шефство над госпиталями.

Шефы не только выступают перед ранеными со своей художественной самодеятельностью: песнями и стихами, но они также помогают медперсоналу ухаживать за ранеными, а когда приходит под разгрузку госпитальный поезд, они помогают медперсоналу принимать раненых.

С возмущением она рассказала: «Немцы перешли на ночные полеты над городом. И во время ночной воздушной тревоги, есть еще сволочи-«ракетчики», или диверсанты или свои, предатели. Пускают сигнальные ракеты возле мостов и заводов.

Но особенно бесчеловечным был случай, когда «обракетили» со всех четырех углов наш подшефный госпиталь в шестой школе. Среди раненых чуть ли не возникла паника. Слава богу, все уладилось. Но фашист есть фашист – бил в самое больное место».

Позже я узнал, что ночные воздушные тревоги и «ракетчики» были только до наших торжественных салютов. После того, как фашисты получили по зубам на Курской дуге, немцам было уже не до психологической войны с нашим народом.

И далеко стало летать, да, видно, и летать-то стало не на чем и не хватает для этого бензина. Не даром же, у немцев появились в это время, так называемые, полевые авиадивизии, формируемые из «безлошадных» летчиков.

Весной 1942 года я стал работать трактористом в Аргамаковской МТС. Она была в большом селе Чембарского района, знаменитым тем, что у одного богатея гостил Ф.Шалапин. Легенды об этом еще были живы у жителей села.

С началом моей работы, один рот с забот матери вроде бы слез.

Первый мой трактор «Универсал-2» успел отслужить свой срок и побывать в недобрых руках ремонтников. Старенький и маленький, по прозванию «беспортошный», он был первой моей любовью.

Летом 1941 года я на нем, работая плугочистом, культивировал пары, управляя трактором вместо тракториста. А, тракторист, после ночных гулянок, отсыпался (скоро на фронт пойдет, вот и нагуливался).

Так, работая на нем, я получил практические навыки работы на тракторе, задолго до получения на это прав.

Тогда он был хоть уже не новый, но работал безотказно.

Но теперь он нас, с моим плугочистом, замучил постоянной поломкой одной детали ходовой части. В мастерской кое-как ее слепят и ремонта хватает только на неделю.

Потом я понял: металл этой детали устал (есть такое понятие в технике). И ремонтировать ее бесполезно – всё равно сломается и опять в том же месте. Нужно новую. А, где ее взять? Сделан трактор в Ленинграде, а он в блокаде. И с этими трудностями мы все же пахали.

Радостью для нас, был пролет на фронт, низко-низко над нашей пашней, наших штурмовиков Ил-2. И мы считали: пролетел один, а завтра три, а потом девять, а потом несколько девяток. Значит, фронт получает их больше, значит, не даром трудятся на авиазаводах и стар и млад. В Аргамакове я проработал до середины лета. До вспашки паров. Летом 1942-го начались бои на Волге. Стали плохо снабжать горючим – тракторным керосином. В один из таких простоев (отсутствие горючего) я из Аргамакова отправился к матери, которая жила в это время в Щепотьеве. И следом получил приказ о моем переводе в Щепотьевскую бригаду на трактор СТЗ, старшим трактористом. Трактор это громко сказано. Когда мы с моей напарницей Катей Копковой, бывшей чуть постарше меня, пришли на поляну, где он стоял, мы остолбенели. Это был классный металлолом. На раме, называемой в обиходе колодой, стоял радиатор и блок цилиндров. Все остальное, в том числе и головка цилиндров, и небольшая коробка скоростей - в разобранном виде, и все мелкие детали валялись на этой самой поляне. Так называемой поршневой группы – комплекта из четырех гильз цилиндров, поршней и шатунов – вообще не было. Пришлось съездить за ней в МТС.





*Трактор СТЗ*

Бригада к этому времени перебралась на другое, далекое поле. Мы должны были сделать все сами - собрать весь этот трактор. И не только собрать, но и отремонтировать: коробку скоростей, притереть клапаны головки блока цилиндров, пришабрить шатунные подшипники, отрегулировать клапаны и еще многое.

Вот когда пригодилось мое любопытное участие, ранее, во время ремонтов в бригаде прошлые годы. В Аргамаковской МТС, видно, на нас махнули рукой и не надеялись, что у нас что-то получится. Собрать и разбирать части этого трактора пришлось по - многу раз. В один раз у нас не получалось. Как мы все-таки это сделали, - собрали трактор самостоятельно и выставили зажигание от магнето, - я теперь совсем не понимаю.

Как же мы с моей напарницей радовались! Наконец-то мы его собрали, и собрали сами! Как же мы гордились тем, что он завелся: чихнул и, набирая обороты, заработал! Наш молодой напор сделал свое дело – в нас поверили. Это было для нас своеобразным «Сталинградом». На этом тракторе мы летом поднимали пары и всю осень пахали зябь - до самых холодов.

И тут со мной приключилась беда: от холода и грязи, словом, всего, что не нужно мальчишескому телу, я заболел фурункулезом. Фурункулов было очень много на шее и на том месте, на котором сидят, вдобавок я случайно разрубил левую руку, и она сильно болела.

Семья переехала в Лермонтово. Мама стала работать в Лермонтовской средней школе. В Щепотьеве не было для нее работы.

И началось самое трудное для нашей семьи время – зима 1942/43 года. У нас не было ни топлива, ни припасов. Мама болела и несколько раз лежала в больнице в Чембаре. Дом, в котором мы жили, дом Каштановых, был неухоженным, как говорили, неухетанным.

Вспоминая это трудное время со слезами на глазах, я низко кланяюсь жителям села Лермонтова, спасшим своим милосердием нашу семью.

В любую погоду, в мороз и слякоть, придет девчонка или мальчишка, даже с другого конца села, от Рыбаковых, или Шубениных, или Кузнецовых, или кого-нибудь еще, и принесет крынку молока.

И проводит его мать или бабушка своим тарханским говором – окая: «Отнеси-ко молочка Ольге Семеновне, а то у них коровки-то нет».

Мы, не имея коровы, всегда были с молоком и, заметьте, совершенно бесплатно. На предложение за это дать денег – они бы обиделись.

Много лет спустя, я узнал о существовании у осетин обычая – долговой тетради. В нее записывались все добрые и милосердные дела, сделанные кем-то для этой семьи или рода. И потомок должен был отдать им этот долг добра и милосердия.

Жаль, что ничем, кроме низкого поклона, я теперь не могу отблагодарить этих людей из Лермонтова.

А ведь они также голодали.

Я вспоминаю времена икромета карася в пруду. Тогда на пригорках вокруг пруда, ребятишки разводили костерки и жарили на них карасей из поставленных вентерей и ели – с солью, но без хлеба.

Когда горох достигал восковой спелости – это было праздником для ребят. Каша из недозрелого гороха – дозреет в желудках.

А, когда клубеньки картошки немного подрастут – подкапывали ботву и вынимали часть клубней и пекли в костерках на тех же пригорках и ели с солью, но без хлеба. Это, разумеется, делали они, и я тоже, не от хорошей жизни.

Нельзя сказать, что село много знало о боях в Сталинграде. Газеты получали не многие. Да и в газетах то, что писалось, нужно было, растолковать жителям села. В это время мать уговорила меня: «Хватит тебе, как старику валяться на печке. Иди в школу». Так после пропуска в учебе, сидя на коленях на задней парте, с половины года, я продолжил учебу и стал, естественно, агитатором.

Сводку Информбюро, передавали в семь утра по радио, включенному в телефонную сеть для всех сел (циркулярно).

В это время были установлены добровольные, но обязательные, по графику в семь утра, дежурства у телефона.

И дежурный должен был записывать утреннюю сводку, для агитаторов. Сводка обязательно попадет в школу, поскольку агитаторами были учителя и ученики – старшеклассники.

А, агитаторы, по своим десятидворкам, разнесут ее в тот же день для всех жителей села. И, что интересное напечатано в газетах, устроят ему громкую читку - по желанию слушателей.

Чаще всего это были работы Эренбурга, Симонова, Алексея Толстого и Шолохова.

Так и питалось село известиями с фронта, известиями со всей страны, очерками и корреспонденциями с фронтов наших писателей.

Этот порядок установили по инициативе моей матери, ставшей в военное время, секретарем парторганизации, несмотря на все свои болячки.

Событием в селе было, когда с фронта из под Сталинграда, приехал в кратковременный отпуск фронтовик. Почти все село сбегалось его послушать. И не было конца расспросам и вопросам.

Я был агитатором. И точно указал, в беседах с жителями, численность немецких войск, попавших в окружение. Она была больше, указанных в первоначальной сводке Информбюро, позднее уточнённой. Цифры мои с уточнениями полностью совпали.

Это количество окруженных немцев я исчислил, исходя, из количества солдат в каждой свежей немецкой дивизии. Мои одноклассники стали с пристрастием меня расспрашивать: откуда я это взял, и указал эти цифры, раньше уточнения официальных сводок

И я им рассказал, что, во – первых, надо читать про организацию и структуру немецких войск, а, во – вторых, это получилось случайно.

После победы под Сталинградом народ воспрянул духом. Но были еще злопыхатели, которые говаривали: «Немцы к нам на танках – а мы к ним на санках».

В марте 1943-го, после Сталинградской битвы и неудачной нашей Сычевско - Ржевской операции, немецкие войска почувствовали, что еще один такой нажим на Ржевском выступе фронта они не выдержат. И они «сократили» линию фронта. Отступали организованно, но так поспешно, боясь окружения, что только на третьи сутки наши войска их догнали и вступили в боевое соприкосновение.

Как рассказал мне впоследствии мой отец, с такой же поспешностью, иногда без должной разведки, наступали и наши войска. И это порой приносило печальные плоды. Воевать нужно - учиться, нетерпение порой дорого обходится.

В один из дней марта мама утром проснулась в большой тревоге. С отцом, сказала нам она, произошло что-то очень нехорошее.

Она не находила себе места. Прошли тревожные недели и получили, наконец, от отца письмо. Начало его, нас огорошило:

«Родные мои, я родился в рубашке. Догоняя наш полк, мы на машине наехали на противотанковую мину. И шофер, и я получили тяжелую контузию. Машина разбита вдребезги. Полушубок на мне изорван в клочья, но мы, по счастью, избежали больших увечий».

Несчастье случилось с ним именно в момент маминой тревоги.

Удивляясь этому событию, хочется сказать: как же должны прочно срастаться сердцами женщины со своим дорогими и любимыми? Чтобы, подобно маме, учуять, что с ним (ее любимым) случилась большая беда: за многие сотни и тысячи километров! Что скажет об этом материалистическая наука, какое даст этому объяснение?

Весной 1943-го резко сократились посевные площади. На поля было страшно смотреть. Они зарастали бурьяном: полынью, чернобылью, лебедой и осотом. И это можно было наблюдать не на одном каком-то поле. Можно было пройти десятки километров – всюду та же картина.

Поля сражений засевались костями пахарей, а в родных полях они прорастали полынью да бурьяном!

Невеселые частушки распевали вечерами в потемках избы, при привернутом, едва горевшем фитиле керосиновой лампы:

Распроклятая война –

Я осталось одна.

Я и лошадь, я и бык

Я и баба и мужик.

Но не только такие горестные песни пел народ. В моей памяти это время отложилось, как самое песенное. Такова уж была психология нашего народа – петь и в радости, и в горе. И не на сцене, а просто так – собрались и поем.

Были еще на слуху - многие народные песни. Особенно часто пели: «Лучина, лучинушка, не ясно горишь...», «Липа вековая ...», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Пелись и вновь рожденные: «Огонек. На позицию девушка провожала бойца...», «Моя любимая. Я уходил тогда в поход...». И до сих пор спорят об авторстве этих песен. Что нам за дело - народ их принял, как свои.

Пелись и многие полюбившиеся песни известных композиторов: «Вечер на рейде», «Я по свету не мало хаживал...», «С берез не слышен, не весом слетает желтый лист ...», «Прощайте скалистые гор...». Какими неведомыми путями приходили эти новые песни - подслушали по радио в райцентре. Или вот еще один путь.

В 1943 году, проездом с фронта, заехал на три дня к нам отец. И привез с собой, с фронта замечательную песню «Землянка», на стихи Суркова. За эту, подхваченную народом прекрасную песню, Алексею Суркову можно простить две, явно конъюнктурные, ранее написанные песни.

Таковы были деревенские потемки войны.

На немногих засеянных полях нужно было убирать хлеб. Чем его убирать? Тракторов не хватает, нет горючего. Комбайны – прицепные. И пришлось все хлеба косить вручную крюками (коса, оснащенная грабелями), вязать в снопы, складывать их, по-старинному, в крестцы. А осенью, когда подморозит, комбайны по твердому полю народ передвигал от крестца к крестцу. Каково! И все за символическую плату. И все же хлеб в снопах не воровал голодный народ.

Вот именно этот невероятно жилистый, невероятно терпеливый народ и выиграл войну. А не крикливые понукальщики, наделенные властью, прятавшиеся в минуту опасности за спины других и безбедно существовавшие и в тылу, и на фронте.

Именно он, этот народ и научил меня, 15-летнего городского мальчишку, как преодолевать все трудности деревенского военного бытия. Научил и тракторному делу, и упряжному, и косьбе всех видов хлебов и трав на сено.

Весной 1943-го мы раскопали запущенный, заросший лебедой и чертополохом огород и осенью смогли запастись картошкой. Она, милая, и выручала нас. Без нее мы бы

пропали. Что сделаешь из пуда овса или пшеницы, который мама получала на месяц для всей нашей семьи?

Отец с фронта, как офицер, стал присылать деньги. И это позволило нам сначала купить двух коз, а потом, хоть и плохонькую, но свою коровенку.

К концу войны мы уже имели две коровы, и все хлопоты по заготовке сена стали моим главным делом. И в это трудное, тяжелейшее время никто не мародерствовал – и не думал красть сено с рядов, или из копен. Теперь этому научились. И везут несчастные, чтобы у них не украли, зеленку домой – сушить.

В сентябре 1941-го нас постигло большое несчастье: погиб на фронте мамин брат, дядя Леля, как звал его я. Мама и мамина сестра – тетя Катя долго подготавливали к этому печальному известию мою бабушку Татьяну Егоровну. Когда же она узнала всю правду, она подобно многим, не выронила ни слезинки, замкнулась и, не захотев никого видеть, уехала к себе в старую деревеньку Шафтель.

Когда мы уже жили в Лермонтове, мама несколько раз пыталась вызволить ее из этого добровольного заточения. Она бедствовала, но никого видеть не хотела. И все же одна из попыток удалась – она переехала к нам, но по-прежнему никого не хотела видеть и ни с кем не разговаривала. Она вся почернела от горя.

Женщин, с таким изуродованным стрессом лицом, я видел потом только во время спасательных работ в Спитаке.

Так продолжалось довольно долго, но однажды утром мама услышала из кухни какие-то странные звуки. Она заглянула за перегородку и увидела: бабушка рыдает, уткнувшись головой в угол. Мама, вся в слезах, подошла к нам и прошептала: «Радость-то, какая! Бабуся заплакала – значит, будет жить».

А дальше случилось чудо: бабушка списалась с частью, где служил Алексей Семенович Матвеев (дядя Леля), и завязала с ней переписку. И не просто переписку, она рассказала, и не в одном письме, о всей своей жизни... в стихах.

О том, что в гражданскую она потеряла любимого мужа, что теперь погиб на фронте ее сын – последняя ее надежда, что гитлеровское нашествие всем несет горе и бедствия, что нам в тылу очень трудно, но мы выдержим и перенесем все трудности, лишь бы вы там – на фронте разгромили врага.

Вот такого содержания стихи она в уме складывала и запоминала, а потом диктовала маме с тем, чтобы отредактировать и записать. Во время этого она часто спорила: грамотная запись, как ей казалось, не всегда передает ее чувства.

Бесхитростная поэзия полуграмотной крестьянки, за пуд пшена выучившейся у монашек чтению псалтыря, – вот и все ее университеты, – тронула бойцов и командиров части. И они попросили разрешения опубликовать эти стихи во фронтовой газете. А потом продолжили с ней переписку. Эта ее переписка в стихах, при сознательной поддержке мамы, продолжалась почти все оставшиеся годы войны. А фронтовые газеты с ее стихами до сих пор хранятся в нашем семейном архиве.

Моя бабушка Татьяна Егоровна Матвеева умерла в возрасте 94-х лет в 1976 году. Незадолго до смерти она продиктовала мне свои только что сложенные стихи. Вот они. Простим ей эту маленькую вольность. Из них вы узнаете, какая была она озорница. Более серьезные ее стихи – длинные, и я их не привожу.

Сорок лет было портнихой,  
 Шила ловко, шила лихо:  
 Юбки шила в шесть точек  
 И любила усачей.  
 Тут пришла Марфута рыжа:  
 Сшей поуже, сшей повыше.  
 Я и сшила ей поуже –  
 Ж... всю видать: наруже.

Вернемся в дни учебы в Лермонтовской школе. Учеба, как учеба. Учителя, как учителя. И надо отдать им должное. В этих тяжелых военных условиях они не понизили требования к преподаванию, не понизили требования ни к себе, ни к ученикам.

Потом, учась в институте, я мог убедиться, что ребята, окончившие сельские школы, не уступают в подготовке другим. Словом, надо поблагодарить учителей военного времени.

Но среди них надо особенно выделить таких как наш военрук Петр Николаевич Болотин. У него был особый счет к войне. На фронте он получил невероятно тяжелое ранение. Осколок срезал ему правое ухо, вырвал кусок черепа, вогнал в него внутрь обрывки шапки. Чудом спасли врачи ему жизнь, но он остался на всю оставшуюся жизнь инвалидом и эпилептиком.

Вот этот бывший командир минометной роты и занимался с нами военным делом, передавая нам свой опыт и, падая иногда в эпилептический припадок. Когда это случалось на уроке, он нас просил не пугаться, а помочь ему перенести приступ и об этом

не особенно распространяться. Если этому будет придана широкая огласка, ему запретят преподавать, а это единственное дело, которым он может заниматься.

Он многое передал нам и по программе обучения, и из своего опыта, но особенно я благодарен ему за занятия с нами топографией.

Помимо всего прочего, он много занимался со мной глазомерной съемкой местности. Как будто он знал, что эти знания мне пригодятся.

Директор музея Лермонтова Василий Александрович Корнилов уговорил меня в 1944/1945 г.г. произвести глазомерную съемку Арсеньевской усадьбы – территории музея и прилегающих мест, пользуясь при этом устной легендой одного тарханского старожилы 85-ти лет.

По его легендам, описывалась усадьба примерно шестидесятых годов 19-го века. Вот когдагодились уроки нашего военрука!

Глазомерная съемка была мной выполнена, по всем правилам топографии, с точным измерением базового отрезка и вспомогательных базовых отрезков, изготовлением специального планшета, оснащенного хорошим компасом и самодельной астролябией, сделанной из школьного транспортира, со специальным устройством для визирования и отсчета величины углов.

Крок (черновой план) получился с указанием точных угломерных азимутов всех существовавших ранее и ныне существующих хозяйственных строений, дома, домово́й церкви, обозначением других особенностей усадьбы: липовой аллеи, всех аллей парка, трех садов и трех прудов. А так же, «траншей» (места игр маленького Мишеньки Лермонтова) и дубовой рощи и аллеи к ней, с удивительным народным названием «Леснига». Этот крок и стал основанием для вычерчивания плана усадьбы.

Недавно, совершенно случайно, я узнал, что этот мальчишеский опыт остается, по сию пору, единственным легендарным планом усадьбы середины 19-го века. Древнее легендарных планов усадьбы нет и не обнаружено официальных.

Так наука, преподанная мне, Петром Николаевичем Болотиным, отразилась в истории села Лермонтова и Заповедной усадьбы - музея М.Ю. Лермонтова.

В 1944-м году я окончил десять классов. Было мне 17 лет. И собираясь осенью идти в армию, я начал заготовку сена. Угодьями для этого нас не больно жаловали, но с помощью велосипеда я забирался в неудобные для других места. И все шло хорошо.

Однажды, в начале июля, когда я приехал с поля, мне сообщили, что звонили из райкома комсомола, и мне надо туда срочно прибыть завтра.



В райкоме комсомола мне сообщили, что идет набор добровольцев на суда торгового флота и мне предлагают подумать об этой возможности.

Без особых размышлений я написал заявление. Мне сообщили: поскольку дело это ответственное и принимаются только имеющие среднее образование и безупречную аттестацию, надо готовить документы, для областной мандатной комиссии. Вернулся в Лермонтово, но не сразу вышло с оформлением нужных документов-то одного нет, то другого. Словом, документы мои на мандатную комиссию опоздали.

После, уже учась на четвертом курсе института, я узнал, для чего нужен был этот строгий отбор – для северных конвоев. Узнал я это от добровольца, который туда попал вместо меня – Василия Егоровича Подлеснова. Он жил в Чембаре, был «под руками» и успел с документами.

Из этих мальчишек после недолгого обучения составили два экипажа.

И продолжил я со старанием заготавливать сено: поставил два омета по три воза и забил им все сеновалы и чердаки. Ведь осенью мне придется идти в армию. Однако вышло по-другому. Мама, зная мое увлечение техникой, воспользовалась собранными мною документами и, ни слова мне не сказав, отослала их во вновь организованный в Пензе Индустриальный институт.

Надо было видеть мое удивленное лицо, когда я получил вызов. И радостно – меня в институте ждут, и досадно – меня без меня «женили».

Так и стал я учиться в Пензенском индустриальном институте. Учеба шла по условиям военного времени: аудитории не отапливались, иногда и свет отключали. Преподаватели и студенты одевались в соответствии с температурой в аудитории, когда было холодно в верхней одежде и валенках. Преподавателям не всегда можно было так одеваться, но они могли двигаться, а студенты были лишены этой возможности и поэтому мерзли или укутывались потеплее.

Иногда нужно было что-то вычерчивать и, если нет перчаток или не сможешь это сделать или обморозишь пальцы рук, как это случилось со мной на экзамене по «Начертательной геометрии».

8 мая 1945 года вечером я долго не мог уснуть под впечатлением победных сводок с фронта. Наконец, заснул. Вдруг среди ночи нас разбудила растрепанная, вся в слезах, соседка моей пензенской квартиры: «Вставайте! Радость-то какая: война кончилась!».

А сама не могла унять слезы. И было отчего рыдать - муж погиб на фронте, а она остается одна с малым дитем на руках.

Я тут же сел писать открытку на фронт отцу. Быстро написал и еще по-темному отправился (от Тамбовской до велозавода) к родным. Шел мимо призывного пункта, мимо орущих приветствия и машущих руками новобранцев. Мимо стихийных сборищ людей, орущих от радости, обнимающихся, плачущих не то от радости победы, не то от печали по погибшим.

Я прошел через весь город, стараясь хоть в какой-нибудь почтовый ящик засунуть свою открытку и не смог протиснуть. Из щелей каждого почтового ящика, несмотря на ранний час, свешивались пучки открыток и писем.

Таков был взрыв чувств, я думаю, всех без исключения. И только то, что я знал о потаенных, полу служебных почтовых ящиках в сквере на здании заводоуправления велозавода, позволило отправить мою открытку отцу на фронт.

И подумалось: если бы слезы, пролитые над этими письмами, могли бы выхлынуть из всех почтовых ящиков, потекла бы река слез радости от завоеванной Победы и народной скорби по погибшим на этой Великой войне!

Только теперь мы поняли, какой же тяжелый, физически ощутимый, груз тревоги и вечного беспокойства и скорби давили на всех нас. Теперь можно было вздохнуть свободно и радостно.

Стихийно возникавшие митинги, всеобщее братание и ликование народа, ощущение необыкновенного праздника, рано или поздно должно было кончиться. И оно окончилось.

Начались после победные будни. Теперь можно было, казалось бы, вздохнуть. Но предстояли не менее тяжелые годы - половина страны лежала в развалинах, а на полях сражений еще тлели кости лучших строителей будущего нашей Родины.

Кто то, в свое время, сказал: война забирает самых лучших, не жалеющих себя для достижения Победы. Кто теперь все это построят? Кто теперь подвигнет науку?

У каждого из нас свой счет к войне. Умер в госпитале мой дядя Алексей Семенович Матвеев, смертельно раненый в разведке. Погиб под Сталинградом младший лейтенант Василий Ратников – друг по играм в Шафтели. Не дали доучиться в 10 классе Лермонтовской школы, были призваны армию и в боях погибли: могучий Иван Рыбаков и Василий Аникин из села Крюкова – любимый ученик мамы. Сгорел в танке, в битве на Курской дуге, лейтенант танковых войск Владимир Милованов - мой пензенский друг.

И мать его, Мария Милованова, осталась одна-одинешенька. «...А где-то в людном мире, который год подряд, одни в пустой квартире их матери не спят...». Это написано о множестве таких матерей.

А где же голуби - птицы символы мира. Война сожрала их почти всех без остатка.

Постепенно народ начал осознавать какую, дорогую, высокую цену он заплатил за Победу. Тогда еще не понимали, каковы истинные масштабы наших людских потерь в Великой Отечественной войне. Поначалу еще не знали, но когда цифры потерь стали вырисовываться - вверху переполошились и их (цифры потерь) засекретили. Теперь по прошествии стольких лет мы уже не узнаем их точных. И цифры потерь около 30 миллионов, или меньше, могут и не соответствовать действительности. Время ушло.

Утешает лишь то, что цифры боевых потерь войск наших и противника приблизительно равны, кажется, что-то около 8 – 10 миллионов с обеих сторон.

А остальные наши потери это солдаты, погибшие в плену, и гражданское население: расстрелянное, заживо сожженное, повешенное, задушенное в «душегубках», умершее от голода и погибшее от «ковровых» бомбежек городов.

О колодцах, набитых детским трупам, в последствии, без слез не могли рассказывать ветераны.

Долго еще будут дома висеть портреты, погибших в траурных рамках, долго еще будут оплакивать память о них.



*Памятник Великой Отечественной войны. Скульптура В.Г. Курдова «Проводы»*

Победили, а у самих вся морда в крови – ведь погиб весь цвет нации. До сих пор мы это ощущаем.

Это было необходимое отступление, и мы еще вернемся в год Победы. Народ видел будущие трудности, но разве они сопоставимы с трудностями, перенесенными в годы войны.

Но трудное дело легче решалось с ощущением радости Победы. Чтобы подольше сохранить в народе ощущение победного торжества – все новое стало носить имя Победы. И различные новые изделия стали носить это имя: автомобиль «Победа», паровоз «Победа», наручные часы, разработанные на Пензенском часовом заводе, «Победа» и т.д. Эти изделия были выпущены в сказочно короткие сроки. А объяснение этому простое.

В предвидении победоносного окончания войны, начиная с 1943-го года многим заводам разрешили вернуться к подготовке выпуска новых образцов изделий совсем не военного назначения. Были вынуты из архивов запыленные чертежи неоконченных разработок. Были даже отозваны с фронта специалисты этих заводов, отозваны с фронта бывшие студенты, не сумевшие, из-за войны, окончить вузы и были созданы новые вузы.



*«Победа» - паровоз, часы, автомобиль*



Так в Пензе, например, в 1943 году на базе осколков Одесского Индустриального, открылся новый Пензенский Индустриальный институт – в надежде, что он подготовит будущих инженеров: механиков, строителей и специалистов приборостроения. Инициатива организации института исходила от Министерства минометного вооружения. Ахунский сельхозтехникум стал Сельскохозяйственным Институтом. А, Пензенский учительский институт был преобразован в Педагогический.

И зародыши, всему этому росту, были даны в военные годы.

Заслуги Пензы в завоевание Победы всячески подчеркивались.

Ведь пятая часть изготовленных снарядов и бомб оснащались взрывателями, сделанными на Пензенском велозаводе. Ведь немало «Катюш» было сделано на бывшей Галетной фабрике.



*Памятник Великой Отечественной войны. Реактивный миномет БМ - 13 «Катюша»  
около завода Пензмаш*

Пензенский часовой завод не только освоил ремонт ПУАЗО, но и построил новый цех для этого, ставший затем основанием завода Счетно Аналитических Машин. Бывшая мебельная фабрика сделала не мало, для ремонта наших самолетов и т.д. Перечислять заслуги пензенских предприятий в достижении Победы можно долго.

Вот об этих заслугах пензенских предприятий в добывании Победы постоянно напоминали власти. Пенза стала промышленным городом.



*Памятник Великой Отечественной войны. Танк Т-34-85, приобретенный на средства Пензенского комсомола*

И песенная окраска победного времени немедленно проявилась. Стали популярными песни – воспоминания о войне: «Песня Северо-западного Фронта. Слава тому, кто командовал ротами...», «Заветный камень. Холодные волны вздымает лавиной угрюмое Черное море...» «Горит свечи огарочек, гремит не дальний бой....», «Песня военных корреспондентов. От Москвы до Бреста нет такого места...», «Песня фронтовых шоферов. Через горы, реки и долины ...», «Мишка-одессит» в исполнении Леонида Утесова, «Песня английских пилотов. ...Мы летим, ковыляя во мгле, мы летим на разбитом крыле ...», «Соловьи» - замечательная песня Соловьева – Седого, ставшая `символом этой войны. И песни, распеваемые народом, сразу сменились на радостные - зазвучали



песни Победы: «Ехал я из Берлина...», «В Городском саду играет духовой оркестр» и хоть и пошловатая, но популярная «Хороши весной цветочки...».

Фильм «Подвиг разведчика» с П.Кадочниковым в главной роли стал любимым для наших девушек. С музыкой Соловьева-Седого родились кинокомедии: «Небесный тихоход» и «Первая перчатка». Стали страшно популярными песни из этих фильмов: «Дождливый вечером, вечером...» и песня «В лодке». И песня-привет боевым друзьям: «Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои. Где же вы теперь друзья однополчане – боевые спутники мои?» И песня утверждавшая новую реальность: «Словно замерло всё до рассвета, дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь ...». Появились новые эстрадные певцы: Бунчиков и Нечаев.



*Кадр из кинофильма «Небесный тихоход»*

Стали очень популярными иностранные кинофильмы: «Сестра его дворецкого», «Серенада Солнечной долины», «Ураган», «Джордж из Динки-джаза», и «Большой вальс». И появились трофейные ленты: «Багдадский вор», «Индийская гробница» и «Девушка его мечты». Во многих цветных фильмах нас поразили хороший цвет, новинка для нашего кино. А Дина Дурбин, с ее акцентом на русском, стала почти нашей кинозвездой.

До песни «Расцвела сирень - черемуха в саду...» и песни-воспоминания о войне «Эх, дороги...» А. Новикова нужно было еще дожить.

Начиная с 1942 года проявился особый фольклор, обязательный почти для всех пригородных поездов – фольклор инвалидов или подающих себя инвалидами.

Репертуар их был бесхитростный, – упор был на пробуждение жалости к поющему инвалиду. Для этого переделывались слова известных песен. Порой переделки были совершенно бездарными. Вроде, мной услышанной, песни на мотив «Раскинулось море широко...» со словами: «Сначала он выпил, потом закусил. Чевой-то взгруснулося малость» и т. д.

Интересна судьба старинной шахтерской песни с такими словами «...А молодого коногона несут с разбитой головой...». В советское время эта песня пелась: «Электровоз по штреку мчится...» и т.д. Новое время – новые веяния, и песня запелась с другими словами: «По полю танки грохотали. Повсюду шел жестокий бой, а молодого лейтенанта несут с разбитой головой...». Одна из переделок этой песни попала даже в кинофильм о танкистах.

Я пишу об этом также потому, что однажды принял участие в походе инвалида по вагонам. Он шел по нашему вагону и пел совершенно бездарно – ни мелодии ни слов порядочных. Дошел до меня. Я развел руками – ничего у меня нет.

- Но я тебе помогу. Держи фуражку – собирай деньги. А я буду петь.

Мы прошли по нескольким вагонам. Я несколько раз исполнил все песни, которые были на слуху или пел песни по заказу. Кончился мой концерт через два или три вагона. Дальше я не пошел. В тамбуре инвалид показал шапку, деньги в которой едва помещались.

Ты кем работаешь – сказал он, обращаясь ко мне.

- Я не работаю, а учусь в институте.

- На кого учишься.

- На инженера.

- Слушай, брось это дело. Пойдем со мной. Ты посмотри сколько денег враз заработали. А ведь мы прошли не все вагоны. Я серьезно говорю: иди со мной и денег куры не клюют, и бабы все будут наши - и он начал совать мне деньги.

– Ты, что! Эти же деньги для тебя!

- Да, што я сплотатор и вор какой? Я эти деньги не заработал и не возьму.

- Слушай, разве эти деньги я заработал бы, если бы рядом не было тебя. Бери и не сомневайся. Ты их заработал раньше – на фронте.



Но все-таки он заставил меня взять красную тридцатку, - доехать на машине до родных. Так окончился мой первый и последний импровизированный сольный концерт.

А по железным дорогам мчались эшелоны с демобилизованными фронтовиками. Я был свидетелем прохода такого эшелона через станцию Белинская. Радость встречи и демобилизованных и жителей, встречавших эшелон, описать мне невозможно.

На перроне множество гармошек и баянов, а в двери почти каждого вагона аккордеон, с играющим на нем аккордеонистом. Вагоны все были украшены ветками деревьев и облеплены плакатами, лозунгами и фронтовиками. Фронтовики были в вагонах, на крышах и на тормозных площадках с велосипедами и прочими «трофеями».

А на перроне песни, пляски и танцы. И ведь не было пьяни между всеми.. Радость выплескивалась ТРЕЗВАЯ. Я был огушен всем, виденным и слышанным..

Позже я узнал, что в этот момент шли и другие воинские эшелоны. Они проскакивали крупные города либо без остановки, либо останавливались на задворках товарных дворов станций. В баню и получения нового обмундирования и оружия - только в тиши товарных станций крупных городов, на которых можно тайно обеспечить это ночью.

Недоумение рассеялось, когда за Уралом они получили сухие пайки не на одну неделю. И теперь стало ясно, куда идут эти эшелоны. Этим войскам предстояло форсировать горы Хингана и дойти до Порт-Артура в войне с Японией.

И тогда исполнилось ребяческое «пророчество» - такую взрывчатку, о которой говорил «пророк-младенец», американцы сделали, и два города с помощью нее разрушили. Тем самым и дали старт гонке атомного вооружения.

« ... И с грустью тайной и сердечной

Я думал: «Жалкий человек,

Чего он хочет!.. небо ясно,

Под небом места много всем,

Но беспрестанно и напрасно

Один враждует он – зачем?»

Давно написал эти слова М.Ю. Лермонтов, а звучат как написанные сегодня. Человечество медленно, но верно идет к своему вырождению и концу. Оно вырвалось из жестких объятий природы. Но, видимо, не нашло своего места вне природы. И всякое свое великое достижение обращает во вред себе.

А в институте дела шли своим порядком. Победа мало отразилась на быте студентов нашего института. Главной проблемой было питание. Стипендия, которую

получали успевающие студенты, не могла обеспечить даже мало-мальски сытое существование за счет рынка. Карточная же система обеспечивала самую малую потребность в питании. Что такое, для молодого растущего организма, пятьсот граммов хлеба и столовая еда, за счет продуктов определенных карточкой? Приспосабливались к этому полуголодному существованию по-разному. Кто мог - ездил за продуктами к родным, в деревню. Многие приспособились подрабатывать: разгрузкой угля на железнодорожной станции, на сплаве леса в протоках Старой Суры. А, другие подрабатывали сапожным делом - тачали фасонные ботинки, покупая у барыг заготовки для них. Еще один вид «кооперации» возникал, когда по карточкам давали табачные изделия. Тогда некурящие студенты (студентки почти сплошь не курили) передавали свой табачный паек инициативным ребятам. Махоркой, редко папиросами, набивался чемодан. И с этим чемоданом шли или на рынок Пензы или ехали на станцию с хорошим привокзальным рынком. Деньги, полученные по этой спекулятивной сделке, расходовались по-разному. Чаще оставались у того, кто эту операцию проворачивал, а иногда они расходовались на студенческие вечеринки. Было и такое в нашей студенческой вольнице.

Была развита и такая «кооперация»: в Пензе покупалась бумажная продукция и везлась в Челябинск. Там продавалась перекупщикам и на эти деньги покупалась фаянсовая посуда. В Пензе продавали посуду барыгам и, естественно, и самим что-то оставалось. Так и горевали. В месяц две-три поездки. Это могли делать только те студенты, которые не боялись экзаменационной сессии. И, занимаясь во время нее дни и ночи напролет, умели наверстать упущенное.

Снабжение продуктами столовой института было проблемой. На централизованные поставки надежды было мало. И институт имел подсобное хозяйство. В нужное время, на подсобном хозяйстве трудились и студенты. Из продуктов подсобного хозяйства организовывали пайки ДП (дополнительного питания). Обычно это была каша, которая отпускалась по талонам ДП (длинная лента, на которой отпечатывались ежедневные порции). И среди студентов ходила шутка: «Дайте два метра каши. И все по отдельности» (по порциям, чтоб было больше). И все же еда в столовой была далека от хорошей. А на столовую рассчитывали студенты, жившие в общежитии. Самым главным блюдом в меню была тушеная капуста, из свежей или квашенной.

И однажды в 1946 году случилось несчастье. То ли по недосмотру, то ли из желания столовой использовать остатки вчерашнего, случилось заражение почти всех

студентов общежития паратифом. Многие попали в инфекционную больницу. Назревал скандал. Студенты в общежитии, пострадавшие меньше, попавших в больницу, решили объявить бойкот столовой. Написали соответствующего содержания плакаты и выставили сменяемые по очереди пикеты.

Начальство думало: побесятся день, другой и кончат эту забаву. Но, когда несколько дней подряд, столовая вынуждена была отправить всё содержимое котлов на помойку, а в больнице произошел бунт студентов с требованием улучшить уход и условия содержания больных - начальство схватилось за голову.

А поскольку дело приняло широкую огласку, в него вмешалось МВД (так стало именоваться НКВД).

Был суд. Он, разумеется, был закрытым. И организатором этого СТРАШНО КОНТРЕВОЛЮЦИОННОГО дела был признан студент, недавно переведшийся из московского вуза, Солдатов.

В МВД отлично понимали, что если все приглашенные на суд в качестве свидетелей, будут вместе отстаивать одну точку зрения, с ними ничего не сделаешь. Но среди свидетелей они нашли провокатора, а, скорее всего, он был у них агентом в студенческой среде. Он и выступил с обвинительными показаниями против Солдатова и привел, в качестве показаний его (Солдатова), якобы крамольные стихи, им (провокатором) тайно прочитанные.

И в последнем слове Солдатовым было сказано: «Этот маленький человечек, оказался самым большим негодяем!». Суд хоть и был закрытым, и свидетели давали подписку о неразглашении всего, что было на суде, друзья друг другу сообщали: и содержание последнего слова Солдатова и советовали остерегаться этого мерзавца – провокатора.

Так и закончилась эта эпопея. Солдатова упекли, за якобы организацию волнения студентов, на 10 лет лагерей, а в столовой все же навели порядок и уход и содержание больных в больнице улучшились.

И в институте настали «тишь и благодать».

В 1946 году в первом и во втором семестрах мало, что изменилось в условиях существования вуза. Все также, во вторую смену иногда не было электричества – сказывалось увеличение количества предприятий и населения Пензы. Пенза стала испытывать энергетический голод.

А в аудиториях все также было холодно, и студенты вынуждены были приспособливаться. Ручки, для письма у редкого студента были типа «вечное перо» нашего производства, не говоря тем более, производства иностранных «Паркер» и «Стило».

У большинства студентов ручки перьевые, и надо было часто обмакивать их в чернильницы-непроливайки. Зимой в аудиториях была такая температура, что чернила в непроливайках замерзали. И приходилось чернильницу держать, согревая ее, в руке. А к перу пристраивать спиральку, чтобы на пере задерживалось больше чернил и можно было реже перо обмакивать в чернильницу. Редкие в ту пору шариковые ручки были отвратительного качества, из-за плохих паст и пишущих шариков. Записи лекций ими иногда плохо читались.

Постепенно все эти трудности начали преодолеваться.

Где взять электроэнергию? Выручил создатель нашего Института Министр минометного вооружения, и наш земляк, Петр Иванович Паршин.

Он распорядился выделить институту мощный дизель-генератор. А лаборатории укомплектовать новейшими металлорежущими станками, генераторами для высокочастотной закалки, измерительной лаборатории дали новейшие измерительные приборы, а лаборатории литейного производства дали высокочастотные плавильные печи.

Всё это было английского и американского производства, или военными трофеями. Наконец-то отремонтировали и пустили отопление. Шутки: «Все течет (это про батареи), но ничего не меняется» - перестали быть актуальными. А зубоскалили ребята по поводу работы своих же однокашников, подрядившихся наладить отопление.

Остряков в институте было достаточно. И стало у студентов считаться хорошим тоном цитирование слов Остапа Бендера и других героев из «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» И.Ильфа и Е. Петрова.

Словом работа института постепенно нормализовалась. Без художественной самодеятельности трудно представить студенческий коллектив. И теперь она сама собой возникла. Стал работать студенческий драматический театр под руководством декана строительного факультета Б. Иллюстрова, в работе которого принимали участие не только студенты, но и преподаватели.

Возникла и студенческая эстрада. Недолго просуществовал и студенческий скрипичный ансамбль. Был создан студенческий хор. В репертуаре его были народные

песни и песни военных лет. И зазвучали в его исполнении песни «Эх, дороги», «Расцвела сирень – черемуха в саду...», «Майскими ночами, отгремев, закончились бои. Где же вы теперь мои однополчане ...», «Словно замерло все до рассвета...» и «Гимн демократической молодежи».

Стали традицией студенческие вечера. Возникло соревнование: какой факультет имеет лучшую самостоятельность и может организовать лучший студенческий вечер. Институт стал похож на учебное заведение: из него убрали, наконец-то подстанцию постоянного тока, для городской телефонной сети, дали жильё для профессорско-преподавательского состава. Наконец-то одесситы стали иметь приличное жильё, а не закутки в здании института.

Стало вроде легче дышать, но в это время засуха охватила большинство зерносеющих областей. На не многие посевы было страшно смотреть. «От колоса до колоса – не услышишь человеческого голоса» - горестно, качая головами, говаривали старики.

Недород! На полях многочисленные трещины, - ладонь в них лезет, - в пересохшей, жаждущей влаги земле. Так что деревня, как в военные годы не видела чистого хлеба, так и в первое послевоенное время продолжала не видеть его. И радостно – война кончилась, и горестно - голодно.

А, в нашей семье радость - демобилизовался из Порт-Артура отец. И, после того как он остыл, и речь, наконец, стала членораздельной, начались его бесконечные рассказы о боевом пути его родной 39-ой армии, о Восточной Пруссии, об экзотике Монголии и Манчжурии, о капитуляции частей Квантунской японской армии, о самом Порт – Артуре и о порте и городе Дальнем.

На семейном совете решено было не возвращаться семье в Пензу. Восстанавливать на работе авторитет двоих и вить гнездо заново, при слабом здоровье мамы? Оставить заработанный ею авторитет в Лермонтове - на ниве своего краеведческого подхода, при изучении истории в школе? Оставить достигнутые успехи в общественной работе? Бросить все хозяйство с таким трудом налаженное? Не слишком ли, дорогая цена возвращения в Пензу? И, не место красит человека, а человек красит место.

И решено было: отец пока постарается устроиться на научную работу в музей Лермонтова. А там будет видно. Так семья окончательно осела в Лермонтове.

В свое время Сталин ответил на запрос Международного Красного Креста: «У нас пленных нет. Есть предатели». Это стало лозунгом Сталина. И лозунг делал свое дело: в

концлагерях пленным и без этого жизнь не сахар, а теперь они были государством (но не Родиной) брошены, без всякой защиты, в пасть нацистских лагерных душегубок.

У соседей Пименовых радость - вернулся отец, о котором долго было ни слуху, ни духу. На запросы отвечали: «Пропал без вести». Оказалось, был в плену. Радоваться надо - прибавился еще один работник. Но беспокойное хозяйство МВД затаскало несчастного на допросы, мало их оказалось в фильтрационном лагере. И следователи МВД старались показать на допросах подобных несчастных, что хлеб свой они не зря едят. И от этого натиска ретивых следователей, человек замкнулся, доведенный этими допросами почти до сумасшествия.

Вот в какой атмосфере после Победы начинал жить народ.

А в мире стало опять не спокойно. В американском городе Фултон с речью, враждебной для нашей страны, выступил бывший наш английский союзник Уинстон Черчилль.

И вдруг вокруг нашей страны оказалось множество американских военных баз. На развалинах Великой Отечественной Войны, когда еще не захоронены все останки погибших солдат, началась война холодная.

Любая война холодная или горячая ведется за счет народа и приводит к ухудшению жизни его. Политической трескотни было сверх всякой меры вокруг отмены карточной системы в 1947 году. Но муки в свободной продаже не было. Чтобы создать видимость заботы о народе, появились кулечки с мукой – подарок к празднику. Но всё равно создавалось впечатление, что наших руководителей жизнь народа мало заботила. Холодная война не была для них, возможно, неожиданностью. Даже, может быть, была желанной.

Любая диктатура не может существовать без врагов, либо внешних, либо внутренних. Если их нет - надо их придумать, и получить повод для завинчивания гаек в жизни страны и народа.

Вместо расцвета победоносного общества, наступила пора расцвета культа личности Сталина. А, по - другому, и быть не могло. Страна хоть и была победоносной, но в европейской части лежала почти вся в развалинах, - люди жили в землянках, - до политики ли им внешней или внутренней – выжить бы. Этим воспользовались те, что грелись всю войну около власти, те что «были святее папы римского». Они в угоду властвующему и сотворили чудовищный культ личности. Возможно, этому способствовали и первые сполохи холодной войны.

Вне всякого сомнения, это пишут в своих мемуарах все кто знал его близко, Сталин насколько был талантлив, настолько же был его характер противоречив. Традиции восточной тирании не позволили очнуться ему от фимиама, который курили ему прислужники. Одерни он их, с их драгоценной игрушкой культа личности, и это стало бы лестницей, по которой поднимутся его талант и заслуги еще выше.

Но соблазн получить красивую пустышку культа личности победил и уронил в глазах и нашего народа и мировой общественности его образ. Он стал заложником творцов культа личности, которые в этой политике видели и свои барыши. И, на самом деле, культ личности Сталина был лестницей, ведущей его сверху вниз.

Но этот культ избавил его от ответственности: за порушенные идеалы революции; за жестокие ничем неоправданные предвоенные репрессии; за неудачи в начале войны; за гибель Юго-Западного фронта, во время не отведенного; от ответственности за гибель вовремя не эвакуированных жителей Ленинграда и Сталинграда и там погибших; за гибель солдат в окружении в районе Барвенково; за бездарное начало компании 1942 года; за все необоснованные военной необходимостью решения, излишне политизированные, во вред этому делу.

Да мало ли за что еще, коль пироги печет сапожник – товарищ Сталин – историческая фигура настолько противоречивая, что в своих противоречиях не мог разобраться он сам. Вот кто командовал специалистами своего дела – военачальниками.

А прежде он почти всех их пересажал, а многих и расстрелял. И даже такие талантливые, как К.К. Рокоссовский, были подвергнуты репрессиям. Нужда – некому командовать по настоящему, заставила прекратить эти издевательства над преданными делу командирами.

Замечено, что, начиная с середины 1942 года, Сталин стал больше доверять командующим, и меньше мешать военным, чувствуя свою не достаточную компетентность в этом деле. Но сколько до этого было его ошибочных решений.

По делу, за все это нужно было ответить. Но культ его личности заслонил все это и присвоил Победу Народа и его Полководцев только Сталину (Знаменитые Десять Сталинских ударов). И Сталин не приостановил это позорное лизоблюдство. Вдруг в нем пробудились гены восточного тирана. Никто не спорит о больших организаторских заслугах Сталина в деле развитии мощного военного потенциала страны, заслугах в организации эвакуации промышленности и организации оборонного производства на востоке, но командовать военачальниками...

Почему прихлебателям понадобилось возвеличивать роль Сталина – полководца? В лучах этой его славы им тоже можно было погреться и также уйти от ответственности за некрасивые дела, а кухонная оппозиция не страшна - пусть негодование свое там и выговаривают, если стены не слышат... Всё равно - победителей не судят!

Шельмование бывших пленных, и судилища, подобные судилищу над нашим студентом Солдатовым, которому я был свидетелем сам, стали провозвестниками наведения «порядка» в литературе, музыке, биологической науке и в науке, называющей себя кибернетикой, и стали провозвестником «Ленинградского дела» и «Дела врачей». Все это с молчаливого согласия или прямой подачи этого самим Сталиным. Типичная воровская психология – кричать: «Держи вора» и это входило в расчеты власть предержащих.

Ото всего этого становилось мутно на душе, а отец в это время меня предупреждал: «Смотри, будь осторожен. Диктатуре неизвестны никакие логические построения. Она живет только своими, ей удобными, законами». И я теперь сам стал кое-что понимать.

Диктатура, чем бы она не маскировалась, как бы она себя не румянила, всегда остается тиранией, не терпящей никаких иных мнений, кроме своих. Подобострастные ее прислужники даже подыгрывают абсолютной диктатуре, сообщая только приятные для правителей вести. Тираны прошлых веков даже рубили головы «черным вестникам», принесшим плохие вести. А у подобных вестников - хорошая память. Вот одна из основ того, что называют тоталитаризмом.

Это находилось в полном противоречии с мудрым управлением сверхсложными системами, каким является государство. В управлении нашим государством отсутствовала связь с общественным мнением – наука социология, изучающая общественное мнение, объявлена была буржуазной псевдонаукой. Поэтому верных решений, действительно поддержанных обществом, ожидать от диктатуры было невозможно. Постепенно в верхние этажи власти проникали не лучшие, а худшие представители общества: карьеристы, приспособленцы, и на все способная клика людей - «чего изволите».

Это родимое пятно диктатуры, это ее суть. Вот почему абсолютная диктатура, загнивает абсолютно, во всех своих частях и приложениях - она не может найти нужный ответ на любой вызов времени, кроме военного, и достигать победных военных решений морями крови своего народа.



Можно заметить одну особенность абсолютных диктатур – такой диктатор часто имеет происхождение не из титульной национальности страны, в которой он овладел верховной властью.

Примеры: немка Екатерина II - самодержец России; корсиканец Бонапарт - диктатор Франции; австриец Гитлер – диктатор Германии; грузин Сталин – диктатор России... Этот список можно продолжать и дальше. Но ясно одно, что не до жалости и любви им (диктаторам) было к народам, над которыми они вознеслись, как верховные правители. Им чужды были традиции и культура этих народов. Они (народы) – были лишь «массой, инструментом», для достижения целей диктаторов, подчас далеких от процветания нации.

Вот к каким выводам стал я постепенно приходить.

Но вернемся к ее (власти) послевоенным решениям. Урон, который был нанесен осуждением партийными постановлениями культуре: литературе и музыке - оценить трудно. Ведь их критика, хоть и была с проламыванием черепов, оставила все же в живых: сатирика Михаила Зощенко, поэтесс Анну Ахматову и Марину Цветаеву, композиторов Дмитрия Шостаковича, Сергея Прокофьева и Вано Мурадели и других. Упадок морального состояния общества? Да, как же его оценишь, при отсутствии связи с общественным мнением? «Прочихаются - это всего лишь надстройка, а мы озабочены более серьезными делами» - так, видимо, рассуждали наши руководители.

Бедняги, наши высокие правители, они застряли в эпохе гражданской войны, и им поступательное развитие мира стало недоступно. Так постепенно все высшее партийное руководство превратилось в ретроградов.

Однoboкое занятие созданием производства атомной бомбы, развитием реактивной авиации и ракетной техники - также сделали свое дело, обделяя ресурсами иную, не связанную с этим, промышленность и сельское хозяйство. Это была беда, которую не скоро решишь и в лучших условиях. И она, конечно, повлияла на всю послевоенную жизнь.

Хоть и восстанавливались, разрушенные города и промышленность. Но теперь-то мы понимаем, что сделано все это было на низком технологическом уровне. Сказалось традиционное, с царских времен, наше технологическое отставание. Трофейное оборудование, и оборудование, полученное нами по репарациям от побежденных союзников Гитлера, не могло выручить надолго. Это были технологии и оборудование вчерашнего дня. Они консервировало нашу технологическую отсталость. Нужно было их,

конечно, брать, и брать технологии, которые были еще на листах ватмана, брать вместе с носителями этих новейших технологических достижений. Не постеснялся захватом их, как сделали это не только мы, но и американцы в ракетной технике. А не удовлетворяться трофейными станками с надписью, отлитой прямо на его станине, которую я каждый раз, подходя, читал: «Kriegs aufmachung - Gute unverändert» («Сделано в войну - качество остается неизменным»).

Или другой пример этому. Сразу после поражения Германии, моего тестя, мастера бумагоделательной машины на нашей фабрике «Маяк революции», направили на германские фабрики для демонтажа и вывоза к нам такой же машины. Совершенство таких машин определяется скоростью выпуска бумажного полотна и степенью механизации и автоматизации процесса на ней. Привезли и смонтировали эту машину. В сравнении с нашей, дореволюционного выпуска, это было чудо техники.

А немцы того только и ждали. На освободившейся площадке они поставили машину с еще большей скоростью бумажного полотна и более высокой автоматизацией процессов. Вот такую и нужно было создавать вместе с конструкторами этих машин. А старая немецкая машина была бы просто репарационным привеском.

А теперь опять наша фабрика в сравнений с немецкой проигрывала.

Без новейшей технологии не будет повышения производительности труда. К сожалению власти, как будто, не понимали этого.

А ведь немалую долю в достижении Победы сыграли именно новые прорывные технологии с наших секретных листов. К примеру, автоматическую сварку броневых корпусов, и пороха наших «катюш», так и не смогла освоить германская промышленность.

Казалось, об этом, высшие власти надолго забыли.

А народ в селах, по-прежнему, жил очень тяжело, едва ли не тяжелей чем в военное время. поголовье лошадей в колхозах в войну резко сократилось. Его не сразу восстановишь. Тракторы за войну сильно поизносились, а новых - пока нет. И нескоро еще конструкторы разработают свои шедевры: тракторы ДТ-54 и С-80 и самоходные комбайны, а промышленность насытит ими сельское хозяйство. Горючего тоже не хватает. Из-за нехватки горючего – бензина и имеющиеся прицепные комбайны не могут работать. Как обмолачивать хлеба? Неужели цепями, но где теперь взять мужиков? Их малое число - на селе больше инвалидов, да стариков. И пришлось вспоминать старину: косить хлеба крюками, вязать снопы, складывать в крестцы, для просушки (все это дела

женщин, подростков, немногих мужиков и не дряхлых стариков). А, молотить хлеба приходилось на, уже почти забытой, молотилке.

Вот когда понадобилось чудо вчерашней техники – локомобиль. Я был свидетелем его использования в Лермонтове. Что же такое локомобиль? Это паровоз, но паром приводятся в движение не колеса, на которых его перекачивают с помощью лошадей или волов, а большое маховое колесо. От него с помощью приводного ремня - погона и приводится в движение молотилка. Локомобиль вынуждает ставить молотилку не далеко от воды. Но зато он не нуждается в жидком горючем – топливом могут служить дрова, бурьян и солома хлебов, которые с помощью его же и обмолачивается.

Он имеет высокую трубу, которую складывают при его перевозке. А еще, естественно, он имеет гудочек-свисточек - радость ребятишек. И сигналист машинист - механик свистком по той или другой надобности: давайте топливо, давайте воду, подбадривает народ: давайте резвей работать, подает и другие сигналы.

Я уже рассказывал, сколь сложна организация молотьбы на молотилке. Теперь и это делалось бабами да подростками. И они шли сюда - на эту трудную работу. Здесь хотя бы была хорошая еда – щи или картошка с мясом, а дома еда не лучше еды военной поры.

А наверху власти, вместо серьезного занятия сельским хозяйством, занялись наведением «порядка» в биологической науке в соответствии с партийными установками.

Как всегда начали обрабатывать «общественное мнение». Подготавливать послушных единому слову стадо людей, не имеющих ни понятия о предмете, ни совести, ни чести. И началась массированная атака средств информации на ученых, занимающихся генетикой. А по существу, травля и шельмование их. Это коснулось и нашей области.

Наука интернациональна и она может плодотворно развиваться только в условиях свободы обмена мыслями и мнениями.

Но ведь это прямо противоречит самой сути диктатуры, при ней не может быть никакой иной мысли, кроме НАШЕЙ мысли, никакой иной науки, кроме НАШЕЙ науки.

А дальше состоялась позорно знаменитая сессия Всесоюзной Академии Сельского Хозяйства Имени Ленина (ВАСХНИЛ). Под зонтиком абсолютных диктатур вырастают, самые настоящие поганки, подобно «академику» Т. Д. Лысенко и др.

Этот «академик», пользуясь поддержкой партийных органов, организовал разгром ученых – генетиков, не согласных с его «мыслями» по всей стране.

За малым исключением их не репрессировали, но лишили возможности заниматься делом всей своей жизни. Мировую Генетику объявили лженаукой и запретили, пытаясь от солнца закрыться ладошкой. Наша генетическая наука была разгромлена и отброшена назад на 15 - 20 лет, вплоть до начала 30-х годов, когда наши ученые еще были на передовых позициях в мировой генетике. Это нашло отражение даже в популярной научно-фантастической литературе тех лет, например, в повести «Остров гориллоидов», опубликованной в журнале «Ёж».

Что стало потом всем известно – в новейших открытиях генетики нет ни одного имени наших ученых. Я не буду напоминать, как развенчивали этого псевдоученого Т.Д. Лысенко, но отмечу только, что он продукт диктатуры. Диктатура сменила диктатора, создали комиссию Академии наук и ему крышка.

Участь, подобная науке о генетике, постигла науку об управлении: в технике, управлении в живых организмах и (о ужас: в разрез с марксизмом) об управлении в обществе. Такая крамольная наука нам не нужна – решили наверху. Я, думаю, это произошло из-за ее малой понятности, для правителей стариков – ретроградов. А раз она не понятна, то это может содержать, для них скрытую угрозу. Вот ход мыслей ретроградов. И от греха подальше - ее нужно запретить. И запретили. Выкинули лозунг и только по собственной глупости не заметили подвоха, не заметили, что он вызывает гомерический хохот над ними: «Кибернетика – продажная девка империализма» и точка.

Ученым стоило больших трудов, в свое время, отстоять от запрета квантовую механику и науку об элементарных частицах. Аргументами против их запрета стали убеждения ученых, что без этих наук атомную бомбу не сделаешь. Это мной было узнано позже.

А результатом запрета кибернетики стало наше хроническое отставание в вычислительной технике общего применения на 15 лет минимум. И никакие прорывы в космонавтике, и никакие успехи в атомной промышленности, не могут залатать до сих пор прореху в этой науке. В этих наших поразительных достижениях работали специализированные вычислительные машины. А высшее руководство считало: «Это не кибернетика». Чего не сделаешь, чтобы ублажить свою совесть?

А кибернетика брала свое. И, как запретный плод, вызывала у студентов интерес, хотя ее последние научные достижения и данные были им мало доступны.

В связи с внедрением на заводе САМ (впоследствии завод ВЭМ), производства вычислительной машины (интегратора) в Пензу приехал профессор Гутенмахер. По его

инициативе или инициативе руководства Индустриального Института, он был приглашен с лекцией для студентов факультета Точной механики. Но в зал набилось столько студентов с других факультетов, что яблоку было некуда упасть. Стояли в проходах и около открытой двери в зал. Все, что рассказал лектор в лекции, потрясло слушателей.

И в общежитии, а там, в одной комнате жило 40 человек, разгорелись жаркие споры. Ну, управлять доменными печами – куда не шло: это еще понять можно, но сочинять музыку и играть в шахматы, понимать человеческую речь, и делать переводы с одного языка на другой – это уж слишком. Одни настаивали, что дайте срок – будет и это доступно вычислительным машинам. Скептики с пеной у рта доказывали, что такие высоты человеческого духа машине недоступны. Ошибались скептики: машины умеют делать теперь, и то и другое.

Но вычислительные машины, всегда всего лишь инструмент в руках человека – этого и не могли никак понять противники Кибернетики.

В 1949 году я окончил институт и по распределению должен был ехать работать на один из заводов в Казахстан. В это время, на первых порах, мне пришлось много ездить.

По приезде на завод в общежитии составилось своеобразное землячество – два пензяка: я и Павел Полозов. Мы купили паршивенький радиоприемник «Рекорд» и он стал скрашивать наши вечера. С каким вниманием и ностальгией по родным пензенским местам, сквозь треск помех, прислушивались к передачам из родной Пензы. Дорога была каждая восточка родного края, а ведь из-за разницы в местном времени слушать приходилось поздним вечером. Мы, болельщики баскетбольной команды Е.В.Швама, радовались каждому ее успеху.

Интерес к происходящему в стране и мире мы сохранили. А необычного в извивах политики было много. Так мы услышали и «поняли» из передач, что общественное мнение нельзя оставлять беспризорным, иначе оно зайдет не туда, куда нам нужно. Вот, вероятно, ход мыслей верхов в это время.

Общественному мнению надо придумать что-то для видимости движения, иначе заржавеют все его символы.

И чтобы поддержать накал борьбы, и натравить общественное мнение на какого-то врага, придумали борьбу с космополитизмом. Жертвой этой компании в родном институте стал замечательный преподаватель – заведующий кафедрой химии, доцент П. Перовский.

Такую печальную весть принес нам радиоприемник.

Да мало ли каких компаний произошло в это время, что бы занять умы народа. Чем бы не заниматься – лишь бы не заниматься (делом).

Но было в это время сделано и хорошее дело – посадка лесополос. И, если вы теперь видите их множество, если вы теперь едите по асфальту шоссе, и справа и слева растут лесополосы, знайте - они родились именно в то время.

И это большое дело не осталось без внимания вершителей культа личности Сталина, назвав его «Великим преобразователем природы».

В. Докучаева и других, предложивших этот проект преобразования природы, были намеренно отодвинуты в тень. А ведь они боролись за его осуществление чуть ли не с конца XIX века. Зато человек, поставивший только подпись под этим грандиозным проектом, был поднят на щит.

В 1949 году отмечалось семидесятилетие Сталина, и произошел взрыв верноподданнических чувств, и чувств благодарности вождю (едва ли без подсказки). Все газеты, на перебой, печатали юбилейные поздравления, а центральная газета «Правда» из номера в номер, печатала «Поток приветствий» вождю.

Под этой шапкой публиковалось множество поздравлений от своих и иностранных организаций, больших и малюсеньких, от граждан СССР и иностранных граждан. Словом всех перечислить невозможно. Вот почему эти публикации продолжались не один год, занимая ими обе стороны листа газеты.

А в Москве в Политехническом музее, целый этаж, эти прихлебатели власти заполнили подарками к юбилею «любимого вождя». Я сам это видел, будучи в Москве. Это было уже не смешно, а становилось стыдно и страшно, что организаторы этого не понимают, не видят и не чувствуют пошлости всего этого шаманства.

Такой психоз можно теперь видеть только в КНДР.

Кстати, Корейская Народно Демократическая Республика (Северная Корея) родилась и утвердилась в результате перерастания холодной войны в войну горячую – не без прямого нашего участия в подталкивании к этому Северной Кореи. За ее спиной стояли Советский Союз (Сталин) и Коммунистический Китай, а противостояли ей многочисленные государства - члены ООН, за спиной которых стояли мощные военные силы США.

Предварял эту пробу сил взрыв - испытание атомной бомбы в Советском Союзе. Это понизило накал военной борьбы – монополии на владение атомным оружием у США теперь нет. А-то ведь так и до греха близко – применить атомное оружие в этом

конфликте. Это стало сдерживающим фактом – холодным душем на горячие головы – ястребов войны. Эта война, которая «была просто пробой сил», обнаружила, что применять атомное оружие для обеих сторон опасно.

Обе воюющие стороны старались представить ее, как малую локальную войну, а на поверку оказалось, она, подстать большим войнам, унесла около шести миллионов жизней. И сопровождалась зверствами с обеих сторон.

На этой войне обнаружилось, что советские реактивные истребители МиГ-15 ничем не уступают, а по некоторым показателям превосходят американские истребители. Эпоха самолетов с поршневыми моторами кончилась, и знаменитые американские бомбардировщики Б-29, лучшие во Второй мировой войне, стали легкой добычей МиГ-ов. Потери их были больше, чем во время Второй Мировой, в несколько раз. Это мы узнали, и многое другое, из иностранных радиопередач (хоть и глушили, а понять все же можно).

Тщательно скрывали от нас участие наших пилотов в этих боях. Но в народе, его не обманешь, были уверены, что летают наши, а не корейцы и не китайцы. Им эта техника еще была не доступна – на горсточке риса много не налетаешь на реактивном самолете, с его сумасшедшими перегрузками. И это подтверждали иностранные голоса.

И вновь стало привычным у нас тревожное беспокойство – не залетели бы на этих МиГ-ах наши в большую войну.

Успехи в атомной промышленности (разработка изготовление атомной бомбы) и создание реактивной авиации, были, безусловно, достижениями наших ученых и конструкторов, но сделано было это за счет затягивания поясов народом.

Но холодная война родила не только Корейскую горячую войну, она дала старт гонке в атомной промышленности и в реактивной авиации, между США и Советским Союзом.

Причем, при самых неблагоприятных стартовых условиях для нашей страны.

Гонка в ракетной технике еще была впереди. По - видимому, чтобы отвлечь от послевоенных трудностей молодежь и населения от тревоги, что корейская война перерастет в большую войну и были состряпаны уголовные дела: «Ленинградское дело» и «Дело врачей». В них опять, как бы они не прятались, проявились те, которые жаждут произнести слова, на чем они стоят и чем они дышат: «Чего изволите» – крупные и мелкие провокаторы.

В это время вышли кинофильмы, которые могли родиться только в условиях культа личности Сталина: «Клятва» и полная фактических искажений «Сталинградская битва».

Теперь эти фильмы стало даже стыдно показывать: так много в них просто вранья и натяжек.

Своеобразным отвлечением от трудностей послевоенного времени, стала кинокомедия «Весна». Она имела успех из-за знакомого всеми любимого ансамбля кинозвезд и прекрасной музыки. А вот песни из этой кинокомедии народ так и не запели. Слишком казенными, наверное, показались слова этих песен.

Но большое количество фраз из этой кинокомедии разошлось на афоризмы. «Красота – это страшная сила» - это оттуда.

И как ностальгия по прошлому, и как критика взаимоотношений с бывшими союзниками, был создан кинофильм «Встреча на Эльбе» с хорошей музыкой Д.Д. Шостаковича. Это был жест его прощения. Но песню с хорошей мелодией из этого фильма народ не запел. Наверное, также казенными показались слова этой песни.

О чем напишу дальше, я услышал из уст одного из близких к Пензенской власти. Вот что он поведал мне. Шел 1951-й или 1952-ой год. Точно он не помнит.

В это время в Пензе произошло большое событие – историческое совещание руководителей Пензенской области и министра П.И. Паршина - прямо на дороге против Индустриального института. Дело шло о его дальнейшей судьбе. Почти по Шекспиру: «Быть или не быть» институту. Институт не мог существовать, при таких ничтожных учебных площадях. Не было возможностей иметь хорошие лаборатории, учебные мастерские. Он имел только два учебных корпуса: самый «Первый корпус» и маленький «Второй корпус» - бывшее здание Школы Младших Авиационных Специалистов. И все. Вот почему возникло желание закрыть институт. Но как же это не хотелось делать. И в момент этого совещания П.И. Паршин – отец института, произнес историческую фразу:

- А, что это за здание справа от первого корпуса?
- Родильный дом. - Решение было принято тут же.
- Дайте нам стройплощадку. Мы построим там вам новый родильный дом, а этот корпус родильного дома передайте Институту.

Так на Пушкинской улице появился новый родильный дом, так мечта студентов Строительного факультета (в многочисленных дипломных проектах) построить перемышку между этими двумя корпусами, стала приобретать реальные черты.

Так на дороге решилась дальнейшая судьба Пензенского Индустриального Института. Родительские чувства позволили быстро найти решение благоприятное для своего детища. Так, на этой дороге и был дан старт всем техническим институтам Пензы.



Институт, ставший, в дальнейшем не Индустриальным, а Политехническим Институтом - отцом: и Технологической Академии и Архитектурно Строительного Университета. И сам, в дальнейшем выросший в Пензенский Государственный Университет, в который влился самостоятельным Педагогический Институт имени Белинского, и в красивейшем здании Пензы был открыт новый Медицинский факультет.

А, квартал, в котором находился институт, постепенно превратился в студенческий городок Пензенского Государственного Университета.

Пенза, наконец, стала городом студентов.

Не знаю, помнят ли теперь студенты нас – первых студентов Индустриального военного времени. Нас, державших на лекциях чернильницы в руках, согревая их, что бы чернила в них не замерзли.

В 1950 и 1952 годах вышли две работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Они стали форменным наказанием не только для студентов. Эти работы должны были изучаться и на предприятиях в политкружках.

Я тогда работал в Казахстане, в интернациональном сборище спецпереселенцев, а попросту, ссыльных. И все это «изучение трудов» прокатилось через меня, как молодого специалиста, на которого можно повесить все, что другим делать не хочется.

Казалось бы, такое углубленное изучение этих трудов должно вызвать взрыв энтузиазма в народе. Но получился обратный эффект. От чрезмерного усердия прихлебателей культа личности, всех перекормили этими трудами. И началось отторжение этих работ в народе. И даже появилась подпольная, издевательская песня: «Товарищ Сталин вы большой ученый, в языкознании познавший толк. А я простой советский заключенный, и мне товарищ тамбовский серый волк...»

Но это будет потом. А тогда расцветал пышным цветом культ личности Сталина и на волне его, наконец-то, после 15-летнего перерыва, прошел XIX съезд партии, не принесший для страны никаких особенно новых решений.

Сталин на съезде выступил с речью, она была не такой яркой, как в прежние времена. Нами, в Казахстане, она осталась почти незамеченной.

В некоторых местах, касающихся международных дел, речь Сталина была далекой от действительности и даже провокационной. Что ж в этом удивительного? Жил он, как говорили иностранные голоса, «кремлевским затворником». Пережил, кажется, несколько инсультов. События в мире видел глазами других. Сам их, без помощи других, оценить не

мог, а противоречивый характер не позволял ему быть объективным. Он, иногда становился, жертвой своих собственных иллюзий – это видели многие. Все это сказывалось на всей стране и пензенской действительности. Талантливый человек, а в таланте ему никто отказать не может, угасал в своей талантливости.

Смерть И.В. Сталина хорошо отметил его недруг: «Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Никто не может оспорить эти его достижения, но какой же ценой это достигнуто?! Как оценить эти достижения?

Напомню Пушкина: «...Гений и злодейство - две вещи несовместимые...»

В 1953 году я приехал в отпуск в Лермонтово и привез, для спасенья от рахита, свою дочь. В это время из командировки в Москву приехал отец и рассказал, по свежим следам, о событиях при похоронах Сталина. Слышал это он от своего приятеля, у которого остановился. Времени по вечерам было много, и он мог рассказать отцу все во всех подробностях. По словам приятеля - жив он остался, только забившись под машину. И всю оценку этого я даю со слов отца. Вот что он мне рассказал.

Похороны Сталина стали второй «Ходынкой» - позором для нашего народа. Собравшаяся бесчисленная толпа продемонстрировала полное неуважение к умершему.

Им, похоронам Сталина, далеко до народной трагедии похорон, к примеру, Л.Н. Толстого и В.И. Ленина. Народная скорбь, вылившаяся при тех похоронах, не позволила быть никаким действиям, оскорбляющим память усопшего.

Не то при похоронах Сталина. Об уважении к его памяти, у этого сборища и понятия не было. Возобладало простое, ничем не ограниченное, любопытство толпы, не имеющей никакого понятия о безнравственности происходящего.

Дикая жажда зрелища беспомощности того, кого так все боялись, перед кем все так пресмыкались, затмила разум тысяч. Теперь можно было и ослу лягнуть мертвого льва, а ведь это так приятно: вот он мертвый, а я живой!

В самопроизвольно возникшей давке, сколько людей было задушено, раздавлено и затоптано толпой неизвестно.

А вот, что я увидел и услышал, по возвращению в Казахстан. Об этой давке там нигде не печаталось, радио молчало. Только везде и всюду соболезнования по поводу смерти Сталина (Помните: «Поток приветствий») - только везде некрологи, некрологи и некрологи.

А на самом высоком корпусе завода повешен плакат: «Вечная память и слава Сталину». После рассказа отца меня всего это корбило. Какие же противоречивые

впечатления я должен был вынести из происшедшего, какая должна быть моя оценка всему этому? Вот вопрос, вытекающий из трагедии народа и позиции властей.

Цифры же жертв этой давки остались засекреченными. Но потом мне рассказывали, что они измерялись не одной тысячью.

Все что дальше я пишу - это мои оценки действительности. Они основаны на том, что сообщала пресса, наше и зарубежное радио, на воспоминаниях о нашей жизни и иногда носят эмоциональный характер.

В марте кончаются долгие глухие зимние ночи. И восход солнца можно видеть ранним, а не поздним утром. Так в одно мартовское утро я и увидел этот восход. Большой красный шар солнца выкатился из-за горизонта, обещая ветреную погоду. Этот восход стал символом ветра перемен.

«... Ветер, ветер на всем белом свете – на ногах не стоит человек...» - А. А. Блок.

Первыми, как не странно, почувствовали перемены высокие чиновники – министры. Не нужны теперь никому их ночные бдения. Сталин был «совой», и работал по ночам. И в любой ночной час, мог министр понадобиться или дать нужную справку – вот они и не спали.

На радостях, правительство даже издало соответствующее постановление.

Перестали перекликаться ночные паровозные гудки. Молча стали ездить машины днем и ночью. Во, какие перемены!

Но были и серьезные - амнистия уголовникам. За нее толи благодарить власть, толи на нее негодовать.

Амнистия, пока что не коснулась, так называемых политических преступников (вспомним нашего студента Солдатова) и «спецпереселенцев».

Холодная война продолжается, но война в Корее в июле 1953-го прекратится. И наши пилоты вернутся с неба Кореи.

Вдруг осудили культ личности Сталина. Но без лизоблюдства к новым властям многие, трущиеся около власти, не обошлись.

Наконец, дали амнистию политическим заключенным и спецпереселенцам.

Наши ученые раньше США создали водородную сверхбомбу. И, тем самым, это стало последним аргументом в споре о бесполезности ядерных вооружений. Но глупые политики с обеих сторон доведут дело до края пропасти и лишь проблески позднего разума спасут обе страны от страшной катастрофы.

Триумфом наших ученых плеяды С.Королева и нашей космонавтики станут полет Ю. Гагарина и полеты других наших космонавтов.

Это время потом назовут временем «оттепели» и эпохой «шестидесятников».

И это будет моментом последнего единства нашего народа.

Что было потом вы все знаете, и ваше воображение раскрасит эти времена в желаемые для вас краски.

*Май 2013 года*

*(Рисунки, иллюстрации Олега Авдеева)*